Библіотека Народной Воли.

Выпускъ первый.

БОРЬБА ОБЩЕСТВЕННЫХЪ СИЛЪ ВЪ РОССІИ.

Н. С.

Типографія Народной Воли.

1886.

Въ ночь съ 23/24 января 1886 г. въ г. Таганрогѣ арестована типографія Нар. Воли и при ней хозяинъ квартиры письмоводитель Окружнаго Суда Акимъ Степановичъ Сигида, жена его, учительница Надежда Константиновна Малоксіанова-Сигида, жена чиновника Екатерина Михайловна Тринидатская, жившая въ качествѣ квартирантки и Устинья Николаевна Федорова, жившая въ качествѣ прислуги.

Объ изданіи
БИБЛІОТЕКИ НАРОДНОЙ ВОЛИ.

«Библіотека Народной Воли» имѣетъ своей цѣлью разработку и популяризацію соціально-революціоннаго ученія. Не ограничиваясь никакими заранѣе опредѣленными рамками, она будетъ вмѣщать въ себѣ работы всякаго рода, стремящіяся къ разъясненію соціально-революціонной доктрины съ различныхъ сторонъ. Отъ сочиненій, входящихъ въ ея составъ, она потребуетъ только искренней любви къ народу, живаго стремленія къ отысканію научной истины и отсутствія всякихъ рутинныхъ предубѣжденій.

Редакція «Народной Воли» приглашаетъ желающихъ доставлять обработанныя статьи или сырой матеріалъ всякаго рода, оставляя за собой право необходимыхъ измѣненій и дополненій.

«Библіотека Народной Воли» будетъ выходить отдѣльными выпусками болѣе или менѣе часто, въ зависимости отъ условій типографской работы.

БИБЛІОТЕКА
ДОКТОРА МЕДИЦИНЫ
А. И. Скребицкаго.

I.

Не вдаваясь въ разборъ спора между такъ называемыми экономистами и политиками, приписывающими исключительное преобладаніе въ соціальной жизни то экономическимъ, то политическимъ факторамъ, мы замѣтимъ только, что какъ тѣ, такъ и другіе, да и вообще всѣ факторы соціальнаго характера производятъ вліяніе на общество черезъ посредство людей, личностей или дѣйствующихъ въ одиночку, или соединенныхъ группами различной величины. Поэтому если мы хотимъ сдѣлать разсмотрѣніе соціальнаго строя какой нибудь страны и притомъ разсмотрѣніе, носящее непосредственный характеръ и не отклоняющееся слишкомъ далеко въ область первоначальныхъ причинъ, то мы должны ограничиться разборомъ взаимныхъ отношеній различныхъ общественныхъ группъ, находящихся въ наличности.

Главною изъ этихъ группъ во всякомъ обществѣ является конечно народная масса, представляющая большинство, занимающаяся черпымъ трудомъ и представляющая широкій пьедесталъ, на которомъ развивается весь общественный строй. Масса эта хотя и представляетъ по нѣкоторымъ своимъ свойствамъ болѣе или менѣе однородное цѣлое, но во всякомъ случаѣ всегда въ свою очередь распадается на нѣсколько болѣе мелкихъ группъ, часто по различнымъ направленіямъ дѣленія. Фабричные рабочіе и земледѣльцы, мелкіе собственники и батраки — вотъ примѣры подобныхъ распаденій. Надъ массою стоятъ правящіе классы, которые въ европейскихъ странахъ исчерпываются тремя категоріями — дворянство, духовенство, буржуазія. Далѣе совершенно самостоятельную силу представляетъ правительство, даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ оно составляетъ послушное орудіе главнаго правящаго класса, не говоря уже о такихъ государствахъ, какъ Россія, гдѣ правительство составляетъ главную общественную силу, совершенно независимую отъ другихъ общественныхъ силъ. Кромѣ правительственной

организаціи съ непосредственно зависящими отъ нея развѣтвленіями, почти во всѣхъ европейскихъ странахъ есть организаціи частныя — судебныя, мѣстныя и т. д., отчасти примыкающія къ правительству, отчасти независимыя, даже враждующія съ нимъ. Примѣромъ такихъ организацій, хотя и совершенно легальныхъ и имѣющихъ извѣстную закономъ опредѣленную власть, но враждебныхъ главной правительственной организаціи, могутъ служить судебные парламенты въ дореволюціонной Франціи, или хотя бы наши земскія собранія. Наконецъ, изо всѣхъ общественныхъ группъ выдѣляется особая, неопредѣленная по составу, но тѣмъ не менѣе реальная и очень могущественная сила, интеллигенція, къ которой мы причисляемъ всѣхъ личностей, проникнутыхъ въ извѣстной степени какой бы то ни было идеей и посвящающихъ на служеніе ей хотя часть своей жизни. Поэтому надо строго отличать интеллигенцію отъ образованнаго «общества» вообще, отъ людей, хотя и знакомыхъ съ идеями разныхъ направленій, но посвящающихъ свою жизнь на служеніе животнымъ инстинктамъ, а не идеямъ. Журналистъ, посвятившій перо на добываніе построчной платы, адвокатъ, торгующій своимъ краснорѣчіемъ, не имѣютъ права на названіе интеллигенціи, не смотря на внѣшній лоскъ образованія, не смотря на массу знаній, накопившуюся въ ихъ мозгу; между тѣмъ мужикъ Сютаевъ, даже какой нибудь расколоучитель Никита Пустосвятъ или Андрей Денисовъ должны быть причислены къ ея рядамъ. Интеллигенція — это соль земли, это самый могучій и дѣятельный двигатель прогресса и бойцы изъ ея рядовъ отличаются отъ другихъ людей пламенемъ Божественнаго огня, горящимъ въ ихъ груди.

Различная степень вліянія и власти въ обществѣ, которую можетъ имѣть каждая изъ этихъ группъ, зависитъ отъ многихъ условій, которыя мы отчасти укажемъ. Главнымъ изъ этихъ условій является стройная организація. Какъ бы ни была сильна данная общественная группа числомъ своихъ членовъ, ихъ стойкостью, самоотверженіемъ и преданностью общему дѣлу, но ея власть никогда не будетъ очень велика, если она не введетъ у себя стройной дисциплинирующей организаціи. Особенно сильно вредитъ ей недостатокъ организаціи, если ей приходится выдерживать ожесточенную борьбу съ другими общественными группами, не желающими уступить ей то мѣсто въ обществѣ, на которое она считаетъ себя вправѣ разсчитывать. Дѣйствія ея въ такомъ случаѣ будутъ разрозненны и не согласованы, удары будутъ попадать не въ

то именно мѣсто врага, которое въ данный моментъ наиболѣе уязвимо; часто даже удары, наносимые съ разныхъ сторонъ, будутъ сталкиваться и ослаблять другъ друга. Если даже ей удастся, воспользовавшись исключительнымъ безсиліемъ врага, одержать побѣду и захватать власть въ свои руки, то она не будетъ въ состояніи воспользоваться побѣдой, какъ слѣдуетъ, потому что не будетъ имѣть опредѣленной и ясной для всѣхъ его членовъ программы дѣйствій, не будетъ даже имѣть привычки къ согласованнымъ дѣйствіямъ. А между тѣмъ, для того, чтобы перестроить общественный строй сообразно своимъ идеаламъ и удержать за собою надолго общественное верховенство, нужна именно цѣлая система согласованныхъ дѣйствій. Такимъ образомъ послѣ побѣды она принуждена будетъ воспользоваться обломками организаціи побѣжденной и низвергнутой ею группы, т. е. вливать новое вино въ старые мѣхи, или же начнетъ организовываться на скорую руку на самомъ полѣ битвы и дастъ пока возможность оправиться побѣжденному врагу или болѣе ловкому и вѣроломному союзнику захватить изъ подъ ея носа власть въ свои руки. Я уже не говорю о томъ безконечномъ морѣ личныхъ страстей, которое сильно волнуется во время общественныхъ переворотовъ, дѣйствуя губительно на ихъ ходъ, порождая раздоры въ средѣ побѣдителей, и которое можетъ быть сдержано въ своихъ берегахъ только исключительно оплотомъ прочной организаціи. Въ подтвержденіе этого положенія можно было бы привести много примѣровъ изъ исторіи. Ограничусь указаніемъ на рядъ французскихъ революцій. Не смотря на громадныя жертвы, понесенныя народомъ и демократической партіей во время этихъ переворотовъ, не смотря на то, что побѣда, а стало быть и власть, неоднократно находилась въ ихъ рукахъ, демократическій порядокъ никогда не могъ установиться во Франціи сколько нибудь прочно, именно благодаря отсутствію организаціи въ средѣ побѣдителей. Еслибы въ 1848 году демократическая партія во Франціи была хотя сколько нибудь организована, еслибы не возлагала всѣхъ своихъ упованій на блестящаго писателя, но нерѣшительнаго и неумѣлаго государственнаго дѣятеля, то никогда бы буржуазіи не удалось похитить власти изъ рукъ народныхъ, устроить комедію національныхъ мастерскихъ, закончившуюся страшной трагедіей Іюньскихъ дней, реакціей и 2-мъ декабря. То же самое можно сказать объ революціонныхъ движеніяхъ всѣхъ вѣковъ и всѣхъ странъ.

Именно благодаря тому, что каждое правительство обладаетъ

готовой организацiей, оно пользуется надъ обществомъ и народомъ огромнымъ преимуществомъ въ случаѣ борьбы. Нужно возстанiе 200 тыс. парижскихъ рабочихъ, непобѣдимо мужественныхъ и одушевленныхъ великою идеею, чтобы побѣдить послѣ долгихъ усилiй и жертвъ нѣсколько тысячъ деморализованныхъ солдатъ, наполовину убѣжденныхъ въ правотѣ своихъ противниковъ и предводительствуемыхъ трусливыми и бездарными вождями. А тутъ еще народъ имѣетъ на своей сторонѣ всѣ выгоды скученности и знакомой ему борьбы на баррикадахъ.

Другимъ не менѣе важнымъ условiемъ, необходимымъ общественной партiи *для вліятельности въ обществѣ*, является идейность, т. е. возможность въ подкладку и объясненiе своихъ дѣйствiй выставить цѣлый рядъ великихъ общечеловѣческихъ идей.

Конечно, чистымъ носителемъ идей является только одна интеллигенцiя, а другiя общественныя группы очень рѣдко руководствуются въ общественной борьбѣ *только* идеей, а почти постоянно борятся на свои ложно или истинно понятые интересы, но тѣмъ не менѣе всякая общественная группа, всякое новое движенiе потеряетъ огромную долю своей обаятельности, своего вліянiя въ случаѣ побѣды, и устойчивости въ случаѣ пораженiя, если на знамени ихъ не будетъ написано тѣхъ великихъ словъ, которыя заставляютъ биться отъ волненiя каждое честное сердце. Толпа римскихъ пролетарiевъ, бьющаяся на улицахъ изъ за хлѣба и зрѣлищъ и только изъ за нихъ, представляетъ дикое стадо скотовъ въ сравненiи съ толпой французскихъ пролетарiевъ, написавшихъ на своемъ красномъ знамени: свобода, равенство и братство. Если *взять два почти одновременныя, даже переплетенныя между собою*, движенiя русскаго народа—возстанiе Стеньки Разина и расколъ—то мы увидимъ, что второе отличается отъ перваго гораздо большей стойкостью, готовностью на подвиги самоотверженiя, именно потому, что оно освѣщено и согрѣто идеей, ложною иногда, даже дикою, но все-таки идеей. Самопожертвованiе безъ идеи немыслимо. Только она даетъ силу мученикамъ пострадать за дѣло своихъ ближнихъ, только она погонитъ безоружныя массы грудью на штыки и на пушки, хотя въ сущности эти массы будутъ вести борьбу за свои интересы, за хлѣбъ, а не за свободу. Отсюда вытекаетъ еще одно важное условiе: тотъ строй идей можетъ имѣть надежду на будущность, который сольетъ въ *одно* неразрывное цѣлое насущные интересы массы борцовъ съ великими общечеловѣческими идеалами такъ, чтобы борьба за хлѣбъ, за семью, за близкихъ и прис-

ныхъ, сливалась съ борьбой за равенство, братство и свободу. Отсюда же вытекаетъ огромное значеніе интеллигенціи во всякой общественной борьбѣ.

Сюда же примыкаютъ и другія необходимыя для каждой партіи условія для вліянія въ обществѣ, надежность и безкорыстность, умѣнье и готовность вести борьбу, не останавливаясь, ни передъ чѣмъ и т. п. Соединеніе этихъ условій дастъ общественной группѣ массу сторонниковъ во всѣхъ слояхъ народа, т. е. необходимую сферу для подготовительныхъ дѣйствій и матеріальную силу въ рѣшительный моментъ борьбы.

Конечно, кромѣ того, необходимымъ условіемъ для побѣды является достаточная зрѣлость даннаго историческаго момента, но нельзя не замѣтить, что зрѣлость эта въ значительной степени создается именно усиліями наличныхъ общественныхъ группъ.

Разбирая значеніе каждой изъ вышеозначенныхъ группъ въ Россіи, мы позволимъ себѣ сдѣлать нѣкоторую перестановку и начать съ правящихъ классовъ.

II.

Исторія развитія правящихъ классовъ въ Россіи очень оригинальна и существенно отличается отъ исторіи ихъ на западѣ Европы. Сущность этого различія состоитъ въ слѣдующемъ. На Западѣ правящіе классы возникали совершенно самостоятельно, поработили себѣ народную массу, пріобрѣли огромную силу и были въ состояніи выдерживать упорную борьбу съ правительствомъ, часто даже совершенно побѣждать и подчинять его себѣ. У насъ же напротивъ того, изъ однородной массы народа въ состояніи были самостоятельно выдѣлиться только слабые зародыши правящихъ классовъ, но возникшая очень скоро и пріобрѣвшая огромное значеніе деспотическая власть царей прибрала эти зародыши къ рукамъ и еще со временъ московскихъ царей распоряжается правящими классами по своему произволу, и для своихъ цѣлей и надобностей то усиливаетъ, то ослабляетъ ихъ. Такимъ образомъ почти все историческое развитіе нашихъ правящихъ классовъ происходило подъ крыломъ центральной власти. Въ этомъ отношеніи любопытно провести антитезу между западно-европейскими и русскими правящими классами нѣсколько подробнѣе. Начнемъ съ дворянства. Дворянство на Западѣ явилось или путемъ завоеванія, или путемъ самопроизвольнаго высачиванія въ тотъ долгій періодъ

путаницы племенъ, лицъ и сословій, который послѣдовалъ за паденіемъ зап. римской имперіи и великимъ переселеніемъ народовъ и закончился только въ XI, даже въ XII вѣкѣ. Центральная власть королей и императоровъ за весь этотъ періодъ была слаба и почти совершенно номинальна. Дѣйствительную силу въ обществѣ имѣли только хищные *горные соколы*, владѣльцы неприступныхъ замковъ, въ которыхъ они сидѣли со своей небольшой дружиной и откуда они держали въ страхѣ и повиновеніи весь окрестный околодокъ. Каждый такой владѣлецъ былъ совершенно независимъ отъ чужой власти и даже имѣлъ право войны со всѣми своими сосѣдями. Его власть нѣсколько ограничивалась только круговыми сходами его вассаловъ и подчиненныхъ (остатокъ старинныхъ германскихъ свободныхъ учрежденій, который однако быстро исчезалъ). Правда, впослѣдствіи, когда феодализмъ выработался въ правильную систему, появилась нѣкоторая іерархія между различными родами сеньеровъ, но все таки огромная доля независимости осталась каждому даже самому ничтожному владѣтелю благороднаго происхожденія. Дальнѣйшая исторія зап. Европы наполнена медленной и многотрудной борьбой между феодальнымъ дворянствомъ и центральнымъ правительствомъ, борьбой, въ которой центральное правительство беретъ перевѣсъ, опираясь на третье сословіе, на буржуазію городскихъ общинъ. Во Франціи, исторія которой для насъ въ особенности интересна, ибо сильно напоминаетъ нашу, разумѣется *mutatis mutandis*, процессъ покоренія дворянства правительству заканчивается въ главныхъ своихъ чертахъ при Ришелье и Людовикѣ XIV. Правительство, начавъ войну оружіемъ, заканчиваетъ ее дворцовымъ плѣненіемъ и привлекаетъ массу побѣжденнаго и лишеннаго феодальныхъ правъ дворянства ко двору, заманивая его пышными празднествами, расточеніемъ милостей, роскошью и блескомъ обстановки, обращенія и ума. Тогда происходитъ удивительное измѣненіе исторической картины. Съ одной стороны дворянство, потерявъ свой мѣстный характеръ и феодальную гордую независимость, обращается въ придворную клику, не имѣющую никакихъ самостоятельныхъ сословныхъ связей, промѣнявшую борьбу въ открытомъ полѣ съ правительствомъ на придворныя интриги и вымаливаніе подачекъ и пенсій; съ другой стороны и само правительство, по культурѣ своей всегда тянувшее къ дворянству (и короли, и ихъ приближенные по образу жизни, происхожденію, предразсудкамъ и т. п. ничѣмъ конечно не отличались отъ высшаго дворянства, но сильно отличались отъ народа, или

отъ буржуазіи), видя отъ прежнихъ своихъ враговъ вмѣсто сопротивленія лесть и покорность, оставляетъ свое непріязненное отношеніе къ нимъ, и мало того, совершенно сливаетъ свою жизнь и свои интересы съ дворянскими. Дворянство, покоренное въ отношеніи политическихъ правъ, вполнѣ подчиняетъ себѣ правительство при посредствѣ культуры. И дѣйствительно, въ концѣ дореволюціоннаго періода почти всѣ силы и средства Франціи уходятъ на питаніе многочисленной и жадной дворянской шайки и власть Людовика XVI въ концѣ концовъ гибнетъ оттого, что не захотѣла отдѣлить свою судьбу отъ судьбы дворянской и сдѣлаться буржуазной монархіей, какъ этого страстно желали представители третьяго сословія. Такое взаимное отношеніе правительства и дворянства въ послѣднее столѣтіе дореволюціоннаго періода повліяло деморализующимъ образомъ какъ на правительство, такъ и на дворянство. Дворянство въ сущности перестало быть сословіемъ. Оно утратило всякую самостоятельную силу и вліяніе и всѣ свои упованія возложило на правительственную власть, особенно въ тотъ моментъ, когда волна революціи готовилась захлестнуть весь старый порядокъ. То самое дворянство, которое нѣкогда вело противъ центральной власти войны «политиковъ» фронды и лиги, во время революціи судорожно цѣпляется за тронъ, чувствуя, что здѣсь его послѣднее убѣжище и спасеніе.

Но именно потому, что дворянство, переставъ быть сословіемъ, утратило всѣ политическіе идеалы, замѣнивъ ихъ отвратительной практикой придворнаго попрошайничества, всѣ лучшіе люди изъ его рядовъ, которымъ тутъ нечему было вѣрить, не на что было надѣяться, нечего любить, ушли въ лагерь противниковъ и помогали третьему сословію и новымъ идеямъ совершить низверженіе стараго порядка. Далѣе правительство подъ разслабляющимъ вліяніемъ дворцовой роскоши, разврата и придворной лести утратило всякое представленіе о своихъ государственныхъ задачахъ и стало въ положеніе атамана хищниковъ. Король изъ самодержавнаго владыки нечувствительно сталъ „первымъ дворяниномъ страны“ и девизомъ монархіи вмѣсто «государство — это я», сдѣлалось «послѣ насъ — хоть потопъ».

Взаимныя отношенія дворянства и правительства въ Россіи въ настоящее время сильно напоминаютъ нарисованную выше картину съ той разницей, что у насъ дворянство не ослаблялось постепенно, какъ во Франціи, а постоянно находилось въ состояніи полнаго безсилія. Поэтому у насъ дѣло обстоитъ во многихъ пунктахъ еще рѣзче и отвратительнѣе.

Въ древній періодъ русской исторіи до татарскаго нашествія у насъ собственно говоря не было дворянства. Существовали, правда, бояре, существовала княжая дружина, но все это были только „лучшіе люди", выдѣлявшіеся богатствомъ, силой или удалью. Число ихъ сравнительно было незначительно. Вліяніе ихъ ограничивалось ихъ личными качествами и было тѣмъ болѣе слабо, что значительная часть ихъ перекочевывала съ мѣста на мѣсто, не пуская корней нигдѣ. Они не представляли замкнутаго сословія и каждый сильный человѣкъ, выдѣлившійся изъ толпы своей вновь пріобрѣтенной силой, тѣмъ самымъ становился въ ихъ ряды. Въ сущности вся политическая власть принадлежала собранію всего народа— вѣчу и единственное, что могли производить бояре, это смутьянить на вѣчѣ. Власть князей была очень слаба и точно также, какъ и дружина, кочуя со стола на другой, не могла пустить прочныхъ корней нигдѣ.

Но когда при помощи татарскаго владычества, власть московскихъ князей стала быстро расти, они немедленно вступили въ борьбу со всѣми политическими элементами старой Руси. Они побѣдили стихійную и неорганизованную силу вѣча на всемъ пространствѣ всея Руси отъ Москвы и Владиміра до Новгорода и Пскова, они безжалостно истребили или перевели на Москву цѣлыя тысячи бояръ-лучшихъ людей отовсюду, гдѣ областной патріотизмъ этихъ все таки вліятельныхъ слоевъ могъ оказаться опасенъ для Московскаго самодержавія. Они точно также уничтожили или превратили въ своихъ холоповъ цѣлыя сотни размножившихся областныхъ княжескихъ родовъ. Съ этого времени лучшіе люди: князья, бояре, дѣти боярскіе, дворяне, какъ и все остальное, всецѣло поступаютъ въ распоряженіе центральной власти.

Окруженная могучими врагами, принужденная отстаивать самое существованіе свое съ оружіемъ въ рукахъ, Россія нуждалась въ многочисленномъ военномъ элементѣ, который и представляли дворяне и дѣти боярскіе, но съ другой стороны бѣдное государство, котораго доходы собирались исключительно натурою, не могло содержать на своемъ иждивеніи никакой постоянной арміи. Поэтому развивается слѣдующая система. Всѣ дворяне и дѣти боярскіе превращаются въ вѣчныхъ служилыхъ людей, а на содержаніе имъ раздаются помѣстья, населенныя и не населенныя, изъ княжескихъ, изъ крестьянскихъ или изъ изъ свободныхъ земель, все равно. Владѣтели этихъ помѣстій, которыя очень долго носили временный характеръ, усердно набирались Москвою изъ разныхъ мѣстностей

слоевъ, отъ бояръ до рулящихъ людей, т. к. въ ея интересѣ было возводить число ихъ до возможно большей цифры. Система эта, по внѣшнему виду похожая на феодальную, представляетъ въ сущности нѣчто совершенно противоположное. Служилые люди находились въ очень реальномъ подчиненіи у Московскаго правительства, ихъ служба была въ высшей степени тягостна, доходы со скупо нарѣзанныхъ Москвою помѣстій были ничтожны—и я не ошибусь, если скажу, что положеніе массы рядоваго дворянства было не лучше положенія массы черныхъ людей. Именно въ видахъ обезпеченія быта этихъ горе-помѣщиковъ и во вниманіе къ ихъ слезнымъ «просьбишкамъ» (даже не просьбамъ, а «просьбишкамъ») и было введено постепенно прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ для того, чтобы удержать мужика на ихъ землѣ и дать имъ возможность вымогать съ него побольше даней. Политическаго смысла у дворянъ высшаго и низшаго слоя не было ровно никакого. Низшее дворянство вѣроятно даже не въ состояніи было бы понять, что такое независимость или вліяніе на ходъ политическихъ событій, и самая высшая степень его сопротивленія властямъ состояла въ „нѣтчествѣ", въ укрывательствѣ отъ службы. Высшее боярство, составлявшее цареву думу, сначала въ качествѣ вѣрныхъ слугъ самоотверженію укрѣпляло самодержавіе; потомъ же, когда быстро выросшая власть государей захотѣла освободиться отъ вліянія своихъ совѣтниковъ, бояре ограничивались тихой воркотней, тщательно хоронимой за четырьмя стѣнами. Всякое даже самое слабое расположеніе къ протесту было утоплено въ рѣкахъ крови, пролитыхъ Грознымъ, и съ тѣхъ поръ боярство, прошедшее хорошую рабскую школу, превратилось въ покорныхъ природныхъ царевыхъ холоповъ. И дѣйствительно мы видимъ, что не смотря на то, что вслѣдъ за смертью Іоанна боярству представлялся цѣлый рядъ удобнѣйшихъ случаевъ для захвата власти, оно оказалось не въ состояніи воспользоваться ими, даже не сдѣлало ни одной попытки для этого и въ концѣ концовъ посадило себѣ на шею новаго самодержавнаго царя, Михаила Федоровича Романова.

Такъ какъ культура всего русскаго народа все это время оставалась единой и нераздѣльной и такъ какъ бытовой розни между правящими классами и народомъ еще не было, то правительство относилось одинаково безпристрастно ко всѣмъ своимъ подданнымъ. Оно одинаково тянуло жилы изъ мужиковъ, дворянъ и князей; передъ кнутомъ палача, передъ застѣнкомъ Ивана Грознаго всѣ были равны, и убіенные худые мужики новгородскіе, ихъ же имена

ты, Господи, вѣси, и князья Рюриковскіе, Воротынскіе, Одоевскіе, и даже несчастный князь Владиміръ Андреевичъ, едва не попавшій на тронъ. Съ царствованія Алексѣя положеніе дѣлъ начало измѣняться. Дворянство конечно осталось въ приниженномъ и безправномъ положеніи, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно стало выпрашивать себѣ у *правительства такія милости, которыя стояли внѣ соотношеній* съ истинными интересами самодержавнаго правительства. Такой характеръ имѣло личное прикрѣпленіе и порабощеніе крестьянъ, столь вредное народу и даже правительству.

Въ Россіи началась дворянская эра. Какъ и во Франціи, явленіе это между прочимъ связано съ тѣмъ, что съ царствованія Алексѣя Россія, давно расколотая экономически, начала раскалываться духовно и культурно. Народъ оказался на одной сторонѣ, а правящіе классы и правительство на другой. Весь императорскій періодъ составляетъ въ сущности продолженіе вышесказаннаго. Въ отношеніи политическихъ правъ дворянство осталось настолько же безсильнымъ, какъ и прежде; *не смотря на массу удобныхъ случаевъ во время* правленія непотребныхъ женщинъ и ихъ любимцевъ, на непрерывныя дворцовыя смуты, не смотря на то, что часто новоиспеченная императрица выказывала чуть ли не прямую готовность поступиться значительною долею самодержавныхъ правъ въ пользу аристократіи, дворянство за все это время сдѣлало одну только и то баснословно-нелѣпую попытку захватить часть власти въ свои руки, закончившуюся неудачею именно по причинѣ своей нелѣпости. Но за то оно пользовалось всѣми доступными ему средствами, культурнымъ вліяніемъ на царя, придворными интригами, коллективной поліандріей съ Мессалинами, сидящими на тронѣ, чтобы захватить побольше льготъ экономическаго и бытоваго характера. Оно мало по малу совершенно освободилось отъ обязательной службы, пріобрѣло безконтрольную власть надъ мужикомъ, получило монополію на всю высшую служебную дѣятельность какъ военную, такъ и гражданскую. Однако и этихъ правъ оно добивалось вѣжливо, какъ милости, и въ случаѣ отказа только скромно виляло хвостикомъ, *но никогда не огрызалось.* Такъ, напримѣръ, когда Петръ III далъ дворянству «грамоту о вольности», оно конечно было очень довольно и изъявило готовность поставить ему золотую статую. Тѣмъ не менѣе когда Екатерина при помощи нѣсколькихъ удалыхъ гвардейскихъ офицеровъ отправила своего мужа въ область, идѣже нѣсть печалей, ни воздыханія и отложила грамоту о вольности дворянства въ сторону на цѣлыхъ двадцать лѣтъ, никакого протеста со стороны двор. не было сдѣлано. Правда, на практикѣ воль-

ность дворянства отъ службы была въ силѣ во все царствованіе Екатерины. (Замѣчательно, что Екатерина, какъ и ея предшественники, попыталась дать дворянству хоть какую нибудь сословную организацію, но дворянство въ массѣ отнеслось очень холодно къ этой попыткѣ, и дв. собранія до послѣд. времени представляли комедію, главнымъ дѣйствіемъ которой являлись обѣды у предводителей дворянства). Политическое безсиліе дворянства выказалось лучше всего 19 Февраля 1861 года, когда одинъ взмахъ царскаго пера лишилъ его внезапно всякой почвы для существованія. Дворянство и въ этомъ случаѣ не рѣшилось даже на тѣнь протеста, а пустило въ ходъ свои обычныя средства — запугиваніе народными возстаніями, клеветy и дворцовыя интриги, которыя сильно затормозили и урѣзали дѣло реформы.

И такъ наше дворянство искони не отличалось никакими даже слабыми признаками гордаго сословнаго духа, а стало быть не имѣло и имѣть не могло никакой идейности. Отсюда, какъ и во Франціи, проистекаетъ то явленіе, что лучшіе люди измѣняютъ дворянству и духовно примыкаютъ къ тѣмъ общественнымъ слоямъ, которые имѣютъ здоровую будущность. «Кающіеся дворяне» настолько же свойственны русской, какъ и французской дореволюціонной почвѣ, съ той разницей, что у насъ это явленіе имѣетъ болѣе острыя формы и встрѣчается чаще. Во Франціи, несмотря на все разложеніе дворянства, у него были остатки старинныхъ доблестей, историческія воспоминанія, могущія воспламенить иное бурное сердце, были, наконецъ, заброшенные углы, какъ Вандея, сохранившіе старинный «гордый и благородный» феодальный духъ. Поэтому противъ бойцовъ новыхъ идей—графа Мирабо, маркиза Лафайета и т. п. мы встрѣчаемъ иногда молодыхъ, честныхъ, энергичныхъ, убѣжденныхъ защитниковъ стараго строя, Казалеса, Лесюра, Ларошжакелена. Историческія воспоминанія нашего дворянства сводятся къ битью кнутомъ и выщипыванію бороды по волоску, современныя*) доблести его состоятъ въ «накопленіяхъ» по интендантской, коммисаріатской, таможенной, акцизной части. Спрашивается, кого способны вдохновить подобныя свойства? Поэтому вся лучшая часть дворянства постоянно отворачивалась съ презрѣніемъ отъ своего привиллегированнаго положенія и примыкала къ новымъ идеямъ, которыя имѣютъ у насъ своимъ центральнымъ пунктомъ народъ, а не буржуазію, какъ во Франціи. Начиная съ

*) Или лучше сказать, недавнія—временъ николаевскихъ, ибо теперь у дворянства никакихъ доблестей нѣтъ.

Радищева и кончая Софьей Перовской, наша интеллигенція, выдѣляющаяся въ значительной части изъ дворянства, демократична по существу своему и никогда изъ нея не выдѣлялось юныхъ талантливыхъ силъ на защиту стараго строя. Булгаринамъ, Аракчеевымъ, Клейнмихелямъ, Катковымъ, Толстымъ всегда принадлежала незавидная заслуга этой защиты.

Современное положеніе дворянства представляетъ всѣ эти явленія, но въ сильно увеличенномъ размѣрѣ. Экономически наше дворянство близко къ полной гибели. Неумѣлое, пріученное исторіей къ царской службѣ, а не къ хозяйству, привыкшее къ даровому крѣпостному труду и къ безпечности, дворянство по уничтоженіи крѣпостнаго права оказалось конечно не въ состояніи вести хозяйство на новыхъ основахъ вольнонаемнаго труда, не смотря на всѣ пособленія, сдѣланныя для него начальствомъ. Не помогли отнятія лучшей земли у крестьянъ, установленіе огромной выкупной платы, облегченіе операцій земельнаго кредита и т. п. Земли помѣщики спустили кулаку, выкупныя проѣли, ссуды прокатили на нелѣпой игрѣ въ агрономію и оказались въ долгу, какъ въ шелку. Намъ не хочется даже упоминать, что нѣсколько милліоновъ руб., брошенныхъ дворянамъ изъ государственнаго казначейства на безсмысленную затѣю дворянскаго банка, не только не замедлятъ, а ускорятъ паденіе дворянскаго хозяйства. Единовременныя подачки никого никогда не спасали отъ голодной смерти, не спасутъ онѣ и вымороченныхъ обитателей Монрепо.

Разумѣется, экономическое паденіе дворянства не было въ состояніи придать ему новую силу въ политическомъ отношеніи. Чувствуя, что конецъ его такъ или иначе приближается и что во всякомъ случаѣ жалкое существованіе, которое оно влачитъ, тѣсно связано съ существованіемъ абсолютной монархіи, старое дворянство судорожно ухватилось за шатающіяся ступени трона. Но когда испуганный повелитель поводитъ тоскливымъ взоромъ вокругъ, ища кѣмъ бы защититься отъ наступающей волны революціи, беззубые старческіе рты начинаютъ шамкать безсвязныя слова объ опорѣ, которую представляетъ для трона вѣрное дворянство. Эта рѣчь непремѣнно заканчивается жалобнымъ приговоромъ: подайте что нибудь старичку, Ваше Императорское Величество. И принявъ этотъ слышится чаще всего, ибо беззубые старческіе рты тоже пить-ѣсть хотятъ.

Собственно нельзя сказать, чтобы наше дворянство было деморализовано во всѣхъ отношеніяхъ, какъ французское дореволюці-

онное. Высшія придворныя сферы несомнѣнно переполнены развратомъ, но остальная масса дворянства вовсе не отличается особой распущенностью сравнительно съ другими культурными слоями. Это не блестящая куртизанка, какъ французское дореволюціонное дворянство; это—смиренная салопница, и нравы ея соотвѣтствуютъ *ея положенію, хотя конечно и куртизанки, и салопницы* живутъ на счетъ «благодѣтелей».

III.

Теперь перейдемъ къ другому правящему классу, къ духовенству. На Западѣ духовенство представляетъ собой сословіе, которое по своему историческому значенію не уступаетъ дворянству. Составляя въ теченіе среднихъ вѣковъ совершенно особую самостоятельную организацію, государство въ государствѣ, во главѣ котораго стоялъ могучій міровой владыка, не только никому не подчиненный, но, *наоборотъ, подчинявшій себѣ королей и императоровъ*, опираясь на всеобщее суевѣріе и невѣжество, на огромную движимую и недвижимую собственность, духовенство пріобрѣло огромную силу. Правда, въ Германскихъ странахъ оно потеряло три четверти своего вліянія во время реформаціи, но въ католическихъ странахъ сохранило значительную долю его и до настоящаго времени.

Всеобщее разложеніе и деморализація, охватившія правящіе классы въ концѣ старомонархическаго періода, коснулись конечно и духовенства, тѣмъ болѣе, что безбрачное католическое духовенство набиралось почти исключительно изъ дворянства, особенно изъ высшихъ слоевъ. Вмѣстѣ съ деморализаціей духовенства, которая была никакъ не менѣе деморализаціи дворянства, ослабла и его моральная притягательная сила, такъ что мы видимъ, что въ концѣ XVIII столѣтія лучшіе люди изъ духовенства точно также, какъ и лучшіе дворяне, измѣняютъ своему сословію и присоединяются къ приверженцамъ новыхъ идей. Въ передовыхъ рядахъ революціи, *бокъ о бокъ съ аристократами Мирабо и Лафайетомъ, мы встрѣ*чаемъ аббатовъ Сійеса и Грегуара. Однако духовенство находилось въ гораздо болѣе благопріятномъ положеніи, чѣмъ дворянство. Во первыхъ, его организація, выработанная вѣками и достигшая огромной силы, постоянно давала ему точку опоры для борьбы съ кѣмъ бы то ни было. Эта организація, притомъ постоянно получавшая помощь изъ чужихъ земель, была на столько крѣпка, что даже буря революціи ничего не могла съ ней подѣлать. Вполи-

нимъ, что по приказанію изъ Рима вся масса духовенства отказалась принести гражданскую присягу.

Далѣе идейная сила духовенства ослабла, но далеко не исчезла. Религія, какъ конгломератъ дикихъ суевѣрій, и какъ кодексъ нравственныхъ предписаній, чрезвычайно глубоко коренится въ душѣ невѣжественныхъ народныхъ массъ и крѣпка даже въ личностяхъ, наполовину отрѣшившихся отъ привычки къ нелогическому мышленію. Сколько было примѣровъ, что человѣкъ, всю жизнь считавшій себя невѣрующимъ, изъ страха передъ неизвѣстностью на смертномъ одрѣ обращался къ старымъ заблужденіямъ. Если принять еще во вниманіе, что бурный и слишкомъ стремительный потокъ революціи съ особенно вызывающей яростью относился именно къ религіозной святынѣ, то для насъ сдѣлается яснымъ, какъ могущее религіозн. чувство могло внезапно воскреснуть въ душѣ аббатовъ и канониковъ, былыхъ хвалителей Вольтера, и отъ нихъ, передавшись крестьянамъ, зажечь пожаръ въ Вандеѣ и Бретани. Междуусобныя войны Франціи велись во имя поруганной религіи, а потомъ уже во имя короля, и пожалуй, дворянства. Да и теперь реакціонныя партіи Франціи и Италіи группируются опять таки около религіознаго знамени, это прежде всего клерикалы, ультрамонтане.

Иначе дѣло обстояло у насъ. Русскій народъ никогда не отличался особенной приверженностью къ религіи. Почти совершенно равнодушно промѣнялъ онъ язычество на христіанство, тѣмъ болѣе, что у него не было класса жрецовъ, которые могли бы оказать сопротивленіе этой перемѣнѣ. Съ тѣхъ поръ распространеніе христіанской вѣры подвигалось впередъ, хотя и медленно, и наконецъ, христіанство вытѣснило совершенно язычество и сдѣлалось достояніемъ народныхъ массъ, конечно, въ формѣ, очень измѣненной *ad hoc*. Однако фанатизмъ не привился въ народѣ. Вмѣстѣ съ новой религіей русскій народъ до сего времени отличается вѣротерпимостью по отношенію къ чужимъ вѣрованіямъ. Если ему и случается вступать въ борьбу съ чуждыми религіозными элементами, поселившимися въ его средѣ, то почти всегда столкновеніе вытекаетъ изъ условій бытовой, а не религіозной розни. Именно такую бытовую вражду обнаруживаютъ недавніе еврейскіе погромы. Если и есть въ русскомъ народѣ привязанность къ религіи, то эта привязанность имѣетъ чисто пассивный характеръ. Несомнѣнно, что во время революціи никакія утѣсненія религіи не смогли бы произвести у насъ возстанія, подобнаго Вандейскому, разумѣется,

если не будетъ другихъ причинъ неудовольствія, которыя могутъ скрываться за религіей, какъ за ширмами. Такъ во времена Алексѣя и Петра сильное религіозное движеніе — расколъ было только формой, въ которую выливалось накапливавшееся вѣками и обостренное послѣдними тягостями народное недовольство.

И такъ идейная притягательная сила нашей религіи для народа очень слаба; точно также слаба крѣпость религіозныхъ убѣжденій въ груди самихъ служителей церкви. Наше духовенство, не обладающее самостоятельной организаціей, имѣетъ съ протестантской церковной іерархіей гораздо болѣе родственныхъ чертъ, чѣмъ съ католической. И высшіе, и низшіе его представители суть простые чиновники, всецѣло погруженные въ изысканіе способовъ добычи доходовъ, теплыхъ и почетныхъ мѣстъ, пріученные вѣками къ подчиненному положенію, они никогда не возъимѣютъ дерзкой мысли спорить съ правительствомъ, хотя бы правительствомъ этимъ была восторжествовавшая революція. Наши попы не откажутся отъ гражданской присяги, какъ бы ни противорѣчили ея положенія ортодоксальной догмѣ. Мы уже сказали, что никакой самостоятельной организаціи наше духовенство не имѣетъ, по крайней мѣрѣ въ настоящее время. Во времена татарскія при всеобщемъ безсиліи власти, всеобщей разрозненности и безъидейности, духовенство успѣло пріобрѣсти значительную силу; совершенно безъ организаціи церковь существовать конечно не можетъ, а даже слабая организація должна была при всей незначительности духовенства давать ему преимущество надъ стихійной, неорганизованной силой вѣча и кочующей властью князя. Къ этому еще присоединялось обаяніе христіанской идеи въ тогдашнемъ обществѣ, полномъ междуусобной борьбы, и масса богатствъ движимыхъ и недвижимыхъ, которыя церковь, какъ и вездѣ, пріобрѣла усердіемъ вѣрующихъ.

Но какъ только выросла монархическая власть, она немедленно вступила въ борьбу съ церковной организаціей и одержала побѣду, несмотря на нравственное преимущество, бывшее на сторонѣ церкви. Иванъ Грозный въ своихъ казняхъ не дѣлалъ различія между духовенствомъ и народомъ и митрополитъ Филиппъ присоединился къ лику мучениковъ, отправленныхъ Грознымъ предварять небеснаго царя о своемъ прибытіи. Народъ, провожая связаннаго митрополита, сидѣвшаго на позорной колесницѣ, между двухъ опричниковъ, плакалъ, не болѣе. Еще болѣе знаменательно, что кротчайшій и богобоязненный Алексѣй Михайловичъ могъ безъ всякаго видимаго усилія одержать полную побѣду надъ энергичнымъ и умнымъ патріархомъ Никономъ.

Петръ Великій окончательно покончилъ съ организаціей духовенства, осмѣлившеюся быть въ оппозиціи противъ него. Онъ уничтожилъ патріархатъ, казнилъ и заточилъ многихъ архіереевъ, отнялъ монастырскія движимыя и недвижимыя имущества и вообще окончательно поставилъ наше духовенство «на протестантское положеніе». Если Петръ не ввелъ протестантства, къ которому однако былъ склоненъ, то только потому, что не ощущалъ въ томъ никакой надобности. Все шло гладко и безъ этого.

Собственно говоря о современномъ русскомъ духовенствѣ, какъ о сословіи, говорить нельзя. Понятіе это сдано въ архивъ еще при Екатеринѣ II. Лишенные всякихъ самостоятельныхъ матеріальныхъ доходовъ, живущіе почти исключительно на иждивеніи и подъ контролемъ правительства, какъ могутъ попы наши представлять нѣчто независимое отъ него. У насъ религіозное вѣдомство и рой высшихъ и низшихъ чиновниковъ этого вѣдомства, но нѣтъ духовнаго сословія. Эти чиновники конечно ярые приверженцы нынѣшняго строя, ибо они чувствуютъ, что революція упразднитъ ихъ вѣдомство, какъ ненужное и вредное *). Между попами и монахами было бы такъ же странно встрѣтить либерала, какъ и между чиновниками государственной полиціи. Именно потому, что наше духовенство давно уже мертво, у насъ нѣтъ кающихся поповъ, какъ характеристичнаго явленія. Семинаристы и поповичи, дающіе революціи значительный контингентъ бойцовъ, сюда конечно не относятся и составляютъ элементъ *à part*.

IV.

Новообразовавшійся правящій классъ — буржуазія, настолько же ничтоженъ по своему значенію, какъ дворянство и духовенство. Въ этомъ случаѣ особенно интересно провести параллель между дореволюціонной Франціей и Россіей, ибо здѣсь лежитъ пунктъ, гдѣ они, сходныя во многихъ другихъ отношеніяхъ, діаметрально противоположны между собою.

Во Франціи буржуазія имѣла долгое и трудное историческое

*) Не должно думать, что мы предполагаемъ насильственное уничтоженіе религіи, какъ было произведено во Франціи въ 1792—1794 г. Чужія убѣжденія должны быть уважаемы и ничья рука не должна осмѣлиться коснуться ихъ. Мы однако полагаемъ, что вслѣдъ за революціей произойдетъ самопроизвольно-нынѣшееся преобразованіе религіи на началахъ общинныхъ и гражданскихъ по образцу нынѣшнихъ сектантскихъ общинъ.

развитіе. Страна, богатая всѣми дарами природы, обладающая прекрасными путями сообщенія, всегда густо населенная, лежащая на оживленномъ торговомъ пути, Франція еще въ римскія времена представляла сильное развитіе торговли и промышленности. Переселеніе народовъ и паденіе зап. рим. имперіи конечно на время уничтожили это процвѣтаніе, но уже въ X вѣкѣ началось сосредоточеніе жителей въ городахъ и борьба между феодалами и городскими общинами. Города сильно выросли въ богатствѣ, населенности и силѣ и въ союзѣ съ королевской властью одержали не одну побѣду надъ феодальнымъ дворянствомъ. Какъ извѣстно, союзъ этотъ кончился тѣмъ, что короли, пріобрѣвшіе перевѣсъ при помощи своихъ союзниковъ, внезапно измѣнили имъ и сдѣлали побѣжденное дворянство своимъ излюбленнымъ сословіемъ. Буржуазія городскихъ общинъ, почувствовавъ себя слишкомъ слабой для борьбы съ такими могучими врагами, оставила арену политики и на долгое время ушла всецѣло въ промышленность и торговлю, гдѣ она опять встрѣтила правительство въ качествѣ союзника и покровителя. Правительство помогало ей всѣми возможными средствами: тарифами, преміями, привиллегіями, завоевательной колоніальной политикой, тѣмъ охотнѣе, что надѣялось поживиться около ея богатствъ и поправить свои разстроенные финансы. Пользуясь этой помощью, иногда, правда, назойливой, но всегда очень дѣйствительной, буржуазія мало по малу сдѣлалась первымъ сословіемъ королевства по огромному богатству, промышленному духу, торговымъ связямъ, трудолюбію. Это первенствующее положеніе усиливалось, еще тѣмъ, что силы буржуазіи, недавно вышедшей изъ нѣдръ народа, были въ полномъ цвѣтѣ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ высшихъ круговъ—откупщиковъ и банкировъ, между тѣмъ какъ дворянство и духовенство находились въ состояніи полнаго упадка. Понятно, каковы должны были быть послѣдствія этого. Молодое сословіе, полное силы и сознающее за собой эту силу, конечно было недовольно старымъ строемъ, при которомъ оно кромѣ притѣсненій ничего не получало, недовольно систематическимъ униженіемъ предъ дворянствомъ въ жизни и на службѣ, неурядицей въ финансахъ, отсутствіемъ политическихъ правъ, господствомъ произвола. Такъ какъ народъ въ одинаковой степени, какъ и буржуазія, страдалъ отъ тѣхъ же самыхъ золъ, такъ какъ враги у нихъ были общіе, то буржуазіи легко было соединить свое дѣло съ народнымъ, въ періодъ подготовленія революціи, когда отрицательная и разрушительная сторона ея выступала особенно рѣзко, а зиждительныя начала будущаго строя оста-

вались пока въ туманѣ. Слить свое дѣло съ народнымъ было для нея тѣмъ легче, что связь между нею и народомъ была еще очень крѣпка, такъ крѣпка, что во многихъ отношеніяхъ они дѣйствительно сливались въ единое *tiers état*. Такимъ образомъ для буржуазіи открывалась огромная арена, на которой ей позволено было говорить отъ имени всего народа, даже всего человѣчества, отъ имени всѣхъ безправныхъ, угнетенныхъ, обиженныхъ. Это придало ей огромную притягательную идейную силу, ибо только великіе всеобъемлющіе идеалы имѣютъ неотразимую убѣдительность для человѣческаго ума. Буржуазія въ теченіе XVIII столѣтія съ замѣчательнымъ искусствомъ успѣла разработать цѣлый строй такихъ идеаловъ, ибо образованіе, знаніе, талантъ, привычка къ нормальному логическому мышленію, все давно уже было у нея почти въ исключительномъ владѣніи. Прогрессивные идеалы буржуазіи, получавшіе особенную привлекательность рядомъ съ чудовищными безобразіями стараго строя, захватили вскорѣ своимъ вліяніемъ всѣ образованные слои. Даже личности, тяготѣвшія по воспитанію, наклонностямъ и чувствамъ къ истинному демократизму, къ защитѣ реальныхъ интересовъ народа, были увлечены стремительнымъ потокомъ и становились подъ знамя тѣхъ идеаловъ, которые неминуемо должны были привести къ господству буржуазіи. Про высшіе классы говорить нечего. Не только лучшіе люди изъ аристократіи и духовенства отрекались отъ своего сословія и становились въ ряды провозгласителей новыхъ идей, но и для всей массы дворянства прогрессивныя идеи пріобрѣли всю прелесть модной новинки, возможности блеснуть въ разговорѣ либерализмомъ, пышной фразой, краснымъ сочувствіемъ бѣдняку. Тѣ самые герцоги и графы, которые впослѣдствіи должны были въ рядахъ корпуса эмигрантовъ вести непримиримую войну съ побѣдоносной революціей, теперь оказывали покровительство новой философіи, вносили нечувствительно либерализмъ и терпимость въ общественные нравы.

Такимъ образомъ буржуазія является центральной фигурой всего идейнаго движенія революціонной эпохи. Нечего удивляться, что она одержала побѣду надъ старымъ строемъ, одержала побѣду разумѣется руками народными и воспользовалась плодами этой побѣды. Правда, у нея не было организаціи въ моментъ борьбы, но организація и у противника была до такой степени разстроена, что скорѣе препятствовала, чѣмъ помогала его дѣйствіямъ. Въ самомъ лагерѣ противника у буржуазіи была масса сторонниковъ, начиная съ Орлеанской линіи королевскаго дома. Одержавъ побѣду надъ

старымъ строемъ и подавивъ отдѣльныя попытки разочарованнаго народа захватить и себѣ долю во всеобщемъ счастьи, буржуазія установила свое царство. Тѣмъ не менѣе и для міра она сдѣлала великія пріобрѣтенія, провозгласивъ и отчасти давъ народу неотъемлемыя «права человѣка», при помощи которыхъ онъ можетъ болѣе или менѣе свободно развиваться политически, вырабатывать себѣ новые болѣе широкіе общественные идеалы и организовываться въ великую боевую армію будущаго. Послѣ великой революціи движеніе идей уже не могло остановиться. Буржуазія, попавшая внезапно изъ угнетеннаго положенія на высоту власти, сразу выказала всѣ свои собственные пороки и быстро пріобрѣла всѣ пороки низвергнутыхъ ею классовъ. Ея разложеніе и вырожденіе пошло впередъ исполинскими шагами, благодаря развращающему вліянію конкурренціи и неслыханной роскоши, еще болѣе безумной, чѣмъ всѣ чудовищныя затѣи временъ Людовика XV и регентства. Идейная притягательная сила, а стало быть и надежда на будущее, очень скоро перешла къ четвертому сословію—къ народу.

Совершенно иное развитіе имѣла буржуазія у насъ. Собственно говоря, во всю нашу долгую историческую жизнь у насъ не было никакихъ признаковъ буржуазіи. Страна исключительно земледѣльческая, покрытая дремучими лѣсами, лишенная удобныхъ путей сообщенія, отрѣзанная отъ сосѣднихъ морей дикими кочевыми народами или болѣе сильными сосѣдями, долгое время не имѣвшая никакого сообщенія съ иностранными государствами, рѣдко населенная, бѣдная разнообразіемъ произведеній, необходимыхъ для промышленности, Россія представляла и представляетъ до сихъ поръ совершенную противоположность западноевропейскимъ странамъ. Правда, чрезъ нашу страну пролегалъ путь «изъ Варягъ въ Греки», но по этому пути ходили чаще разбойничьи дружины варяжскихъ наемниковъ, чѣмъ караваны купцовъ. Россія вела немногосложную и неразвитую торговлю съ Византіей хлѣбомъ, шкурами, медомъ, воскомъ и другими естественными произведеніями. Только одинъ Новгородъ со своимъ младшимъ братомъ, Псковомъ, благодаря превосходству своего положенія на пути къ Балтійскому морю пріобрѣлъ болѣе выдающееся торговое значеніе. Однако значеніе это не должно быть преувеличиваемо. Я не ошибусь, если скажу, что Новгородъ все-таки былъ страною болѣе земледѣльческой, чѣмъ торговой. Его выдающіеся люди-бояре были большей частью богатые владѣтели обширныхъ пространствъ пашни и лѣса въ Новгородской области или во владѣніяхъ Новгорода на об-

пирномъ сѣверѣ; масса простаго народа занимаясь земледѣліемъ даже въ самомъ Новгородѣ, не говоря уже объ его земскихъ владѣніяхъ. Торговля Новгорода также носила первобытный характеръ. Главнымъ предметомъ ея были естественныя произведенія сосѣднихъ русскихъ и чудскихъ областей и на сколько новгородцы эксплуатировали своихъ простодушныхъ сосѣдей, на столько нѣмецкіе купцы эксплуатировали ихъ самихъ. Очень рѣдко Новгородскій купецъ ѣздилъ, какъ Садко, богатый гость, на Балтику, „изъ Волхова во Ладожско, изъ Ладожска во Сине-море“, ибо нѣмцы положительно этому препятствовали. Что касается до промышленности Новгорода, то она стояла также на очень низкой ступени развитія и ограничивалась очень простыми ремеслами, въ которыхъ Новгородцы стояли конечно гораздо выше своихъ, исключительно земледѣльческихъ „низовыхъ“ соплеменниковъ. Такъ изъ Новгорода на Москву и Тверь уходили печники, каменьщики, маляры, гончары, какъ уходятъ они теперь изъ центральныхъ губерній на черноземный югъ.

Каково бы ни было торговое значеніе Новгорода, но Москва совершенно уничтожила его, послѣдовательно разоривъ Новгородскую область шесть разъ за 100 лѣтъ и выгнавъ изъ него дочиста ограбленныхъ нѣмецкихъ купцовъ. Во все теченіе московскаго періода Россія стояла на еще болѣе низкомъ уровнѣ торгово-промышленнаго развитія, чѣмъ прежде. Немногочисленные посадскіе людишки, населявшіе немногочисленные города, занимались только отчасти промыслишками и торговлишкой для удовлетворенія незатѣйливыхъ потребностей страны, большей же частью пахали пашню, какъ и мужики, или же толклись около пустаго мѣста и нищали, нищали въ конецъ. Одни невыносимыя тяготы, налагаемыя на черныхъ посадскихъ людей всѣмъ строемъ тогдашней жизни, казенными поборами, воеводскими хищеніями, насиліями всякаго знатнаго человѣка, были въ состояніи остановить развитіе промышленнаго духа, если бы даже онъ и могъ существовать у насъ по естественнымъ условіямъ страны. Исторія посадскихъ людей есть безконечный мартирологъ, проявленіе ихъ политической жизни есть безконечный рядъ униженныхъ жалобъ на свое положеніе, изрѣдка прерываемыхъ бунтами. Положеніе ихъ было до того невыносимо, что они массами убѣгали, разбредались розно и правительство вынуждено было для ихъ удержанія ввести прикрѣпленіе посадскихъ людей къ посаду, по образцу прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ. И несмотря на это, сколько городовъ опустѣло, покинутыхъ своими жителями!

Петръ Великій, а за нимъ и его преемники, желая поднять значеніе Россіи, какъ государства, усиленно заботились о развитіи у насъ промышленно-торговаго класса, убѣжденные, что богатство его придастъ богатства и блеску казнѣ и всей странѣ. Они выдавали субсидіи и преміи, устраивали фабрики и заводы на свой счетъ, выдавали привиллегіи и монополіи, учреждали тарифы, пытались привить нашимъ посадскимъ людямъ сословную организацію, которая однако принималась еще болѣе туго, чѣмъ подобная же организація дворянства и т. п. Но всѣ эти мѣры, рутинно заимствованныя изъ западно-европейской практики, конечно безсильны были создать у насъ сколько нибудь прочную промышленность, благодаря какъ неблагопріятнымъ естественнымъ условіямъ, такъ и крѣпостному строю всей жизни. Впрочемъ кое какая кустарная промышленность, безъ которой никакое цивилизованное государство существовать не въ состояніи, нѣсколько желѣзныхъ заводовъ, нѣсколько парусныхъ и суконныхъ фабрикъ, поддерживаемыхъ субсидіями и поставкой въ казну, появилась на свѣтъ. Торговля — разумѣется естественными продуктами — также стала развиваться уже потому, что народу изъ 25-тилѣтія въ 25-тилѣтіе приходилось платить удвоенную сумму налоговъ и податей, а, стало быть, продавать за границу все болѣе и болѣе своего сырья. Такое положеніе занимала наша торговля и промышленность вплоть до 1861 года, когда уничтоженіе крѣпостнаго права положило начало новой эпохѣ въ развитіи нашей буржуазіи.

Русское правительство при своихъ разстроенныхъ финансахъ прежде всего заинтересовано вопросомъ объ открытіи себѣ новыхъ источниковъ дохода. Когда въ 1861 году оно готовилось выпустить на волю изъ крѣпостныхъ узъ цѣлую двадцати-милліонную массу крестьянства, у него явилось опасеніе, какъ бы это не повредило государственнымъ доходамъ. Крѣпостники въ одинъ голосъ кричали, что мужикъ, лишенный благодѣтельной помѣщичьей палки, предастся пьянству и лѣни и не будетъ наполнять казну съ той же безкорыстною готовностью, какъ встарь. Дѣйствительно, обстоятельства оказались неблагопріятными для казны. Мужикъ, получившій въ надѣлъ одни пески, да такъ называемые надѣлы—ловушки, съ которыхъ каждая курица попадаетъ въ господскіе овсы, подвергая своего хозяина неминуемому штрафу, конечно не въ состояніи былъ бы удовлетворять новымъ требованіямъ цивилизованнаго государства, которыя были гораздо больше прежнихъ „патріархальныхъ“ поборовъ. Появились прорѣхи, началась эпоха низкаго кур-

са и дефицитовъ. Тѣмъ съ большей ревностью правительство стало искать новаго устоя, на которомъ могли бы держаться его разстроенные финансы. „Если мы дали народу свободу по заграничному образцу, разсуждали его представители, то отчего же къ намъ не идетъ заграничное богатство? Очевидно оттого, что у насъ нѣтъ богачей, нѣтъ промышленности, нѣтъ буржуазіи". И правительство принялось всѣми мѣрами насаждать буржуазію на русскую почву, какъ нѣкогда насаждало картофель. Было бы слишкомъ долго и утомительно перечислять всѣ дѣйствія буржуазной политики, которая тянулась все царствованіе Александра II-го и не прекратилась и теперь. Были пущены въ ходъ тѣже рутинныя мѣры, что и прежде, но въ громадныхъ, чудовищныхъ размѣрахъ. Строились желѣзныя дороги, для которыхъ казна входила въ долги, заводились банки, которые лопались, не принося ничего, кромѣ убытковъ, выдавались огромныя ссуды и преміи для устройства заводовъ, которые существовали единственно милостью казны и вытянувъ изъ нея страшную уйму денегъ, обыкновенно проваливались, не оставляя ничего даже въ карманѣ воротилы-заводчика, вводились самые безсмысленные тарифы по первой прихоти фабрикантовъ и пр. и пр. Разумѣется всѣ эти мѣры, стоившія казнѣ огромныхъ денегъ, не ввели и не могли ввести у насъ сколько нибудь живучей буржуазіи. Естественныя условія Россіи не измѣнились, условія сбыта и конкурренціи съ заграничными производителями развѣ ухудшились— понятно, что никакая промышленность не могла вырости по державному мановенію на этой скудной почвѣ. Напротивъ того, мѣры правительства пріучили нашихъ капиталистовъ къ безпечности и хищенію. Наши заводчики и банковые воротилы привыкли думать, что какъ бы не запутывались ихъ дѣла, правительство никогда не даетъ имъ погибнуть и придетъ на помощь. Иные прямо грозили «лечь и умереть», если тутъ же, сейчасъ же, имъ не выложатъ столько то, и деньги дѣйствительно давались, давались безъ счета. Наши фабриканты привыкли, что какъ только они поднимаютъ вопль о тарифѣ, внимательное правительство немедленно удовлетворяетъ ихъ желаніе, и дошли до Геркулесовыхъ столповъ наглости; они потребовали стѣсненія финской торговли и запрещенія кавказскаго транзита, и правительство повиновалось «отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды».

Если разсматривать современное положеніе буржуазіи, то легко отличить нѣсколько тонкихъ, какъ пленка, слоевъ, которые могутъ съ равнымъ правомъ претендовать на это названіе. Выше всѣхъ

находится тотъ худосочный классъ заводчиковъ и фабрикантовъ, который я характеризовалъ выше. Единственнымъ элементомъ, имѣющимъ самостоятельную силу, являются здѣсь мелкіе деревенскіе мануфактуристы, которые мало по малу вытѣсняютъ одиночныхъ кустарей. Правда, вытѣсненіе это основывается не столько на техническомъ превосходствѣ крупнаго хозяйства, сколько на томъ безвыходномъ и безпомощномъ положеніи, въ которое привели кустаря нужда, налоги и скупщики, но какъ бы то ни было, если предположить, что современный строй простоитъ неопредѣленно долго(?), то можно ожидать, что этотъ сѣренькій капитализмъ успѣетъ окрѣпнуть. Конечно, онъ всегда останется сѣренькимъ и будетъ занимать болѣе чѣмъ скромное мѣсто въ народномъ хозяйствѣ, удовлетворяя несложному запросу мужика.

Обходя классъ лавочниковъ, занимающій совершенно служебное положеніе, обходя скупщиковъ и барышниковъ, перейдемъ къ тому слою капиталистовъ, въ которомъ видно больше всего жизни и движенія, къ сельскимъ кровопійцамъ, кулакамъ. Несмотря на всѣ варіаціи, здѣсь можно различить двѣ главныя разновидности, трудно впрочемъ разграничиваемыя и часто переходящія одна въ другую. Первая явилась въ деревню изъ города, обладая достаточнымъ количествомъ купецкаго нахальства, а часто и солиднымъ кушемъ денегъ. Поэтому, оставивъ въ сторонѣ мужика, она могла заняться крупной рыбиной, барином, который послѣ эмансипаціи хотѣлъ во что бы то ни стало «развязаться»; налетѣвшіе изъ городовъ ястребы скупали помѣстья за безцѣнокъ, вырубали лѣсъ, выпахивали землю, продавали на слом барскія хоромы, выдавливали даже карасей въ прудахъ, и вообще хищнически высасывали всѣ соки изъ помѣстья барскаго; только при помощи этого помѣстья они иногда забирали въ лапы мужика, но большей частью они сдавали этому мужику въ аренду обезцѣненную землю, а сами накидывались на другую жертву, на другое помѣстье. Другая разновидность происхожденія мужицкаго—это настоящій деревенскій кулакъ. Онъ выросъ въ деревнѣ и на своей шкурѣ испыталъ всѣ тягости крестьянскаго положенія, но удачный случай, повладливая совѣсть и изворотливость ума помогли ему скопить нѣсколько грошей, при помощи которыхъ онъ по немногу началъ свои операціи. Какъ его крупный соперникъ сосетъ барина т. е. барскую землю, такъ онъ сосетъ мужика, но сосетъ гораздо болѣе основательно, съ чувствомъ, съ толкомъ. Пріемы его многоразличны, хотя всѣ они основаны на безвыходной народной нуждѣ. Главную роль играетъ въ нихъ ро-

ростничество, которое мало по малу совершенно опутываетъ весь околодокъ. Накопивши малую толику, такой кулакъ принимается за болѣе крупныя операціи и начинаетъ въ свою очередь высасывать барскія помѣстья, не оставляя однако и мужика. И той и другой породы развелось нынѣ великое множество. Нѣтъ ни одной деревни гдѣ бы не сидѣло нѣсколько пауковъ и паучковъ, сплетающихъ паутину на уловленіе мужицкаго алтына и дворянскаго рубля. Они властители теперешняго деревенскаго горизонта. Находясь въ тѣсномъ союзѣ съ представителями мѣстной администраціи, они имѣютъ полную возможность по своему оперировать и надъ барономъ, и надъ мужикомъ. Въ случаѣ сопротивленія на барина сыплются доносы о неблагонадежности, на мужика обвиненія въ сопротивленіи властямъ.

Однако и эти хищники представляютъ паразитное растеніе, выросшее на гнойныхъ политическихъ нарывахъ русской земли. И они обязаны своимъ существованіемъ дѣйствіямъ русскаго правительства, хотя и не прямо, а косвенно. Единственной почвой, на которой они могутъ дѣйствовать, является народная нужда. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что еслибы мужикъ не былъ приведенъ императорской политикой къ слѣдующей дилеммѣ: лѣзь въ петлю къ кулаку, умирай съ голоду или ложись подъ розги, еслибы два главныя условія его благосостоянія, надѣлы и платежи, были правильно устроены, то даже слабое подобіе кулачества не могло бы появиться на русской почвѣ.

Каково же вѣроятное будущее русскаго кулачества? На этотъ счетъ нельзя сказать ничего опредѣленнаго. Не смотря на усиленную дѣятельность въ теченіе 20 лѣтъ, не смотря на 20-лѣтнее систематическое развращеніе имъ мужика, кулаки въ настоящій моментъ далеко еще не достигли той степени значенія, которая позволила бы имъ существовать самостоятельно. Еще долго ихъ существованіе будетъ тѣсно связано съ существующимъ политическимъ строемъ, еще долго ихъ гибель будетъ всецѣло зависѣть отъ его паденія. Но такъ будетъ не всегда. Нельзя сомнѣваться, что если имъ удается сосать нашу страну безъ помѣхи достаточно долгое время, они наконецъ высосутъ все, что возможно и тогда, почувствовавъ себя обладателями огромныхъ богатствъ... тогда можетъ быть они перейдутъ отъ хищническаго накопленія къ благоразумному производству, въ области земледѣлія или мануфактурной промышленности, смотря по условіямъ сбыта. И можно сказать, что ихъ производство будетъ сильно разниться отъ современнаго хуторскаго русскаго производства. Но во всякомъ

случаѣ такое будущее возможно для нихъ, только при томъ непремѣнномъ условіи, что современный политическій строй продержится достаточно долгое время. Такова наша буржуазія. Очевидно, что и она, какъ и другіе правящіе классы, есть созданіе правительства, созданіе разностороннее и чудовищное, которое держится исключительно его помощью и вмѣстѣ съ нимъ исчезнетъ. Изъ этого, впрочемъ, еще не слѣдуетъ, что намъ предстоитъ [illegible] Европой обойтись безъ буржуазно-капиталистическаго періода развитія и прямо перейти отъ единичнаго способа производства къ настоящему коллективному. Мы, конечно, не раздѣляемъ одностороннихъ заблужденій тѣхъ экономистовъ, которые считаютъ западноевропейскій путь единственно возможнымъ путемъ прогресса, однако надо принять во вниманіе то, что политика нашего правительства систематически гонитъ насъ на западноевропейскій путь, а это значитъ гораздо больше, чѣмъ всѣ разглагольствованія объ естественномъ ходѣ вещей. Конечно въ настоящій моментъ мы идемъ по проселочной дорогѣ, съ которой всегда можно свернуть на нашъ настоящій путь, и не попасть на широкую мощеную аллею капитализма, которая ведетъ въ рай черезъ очень тощее чистилище или даже черезъ адъ. Капитализмъ нашъ очень слабъ и, что самое главное, не успѣлъ еще развратить мужика. Въ деревняхъ нашихъ какъ въ тѣхъ, которыя сохранили общинное землевладѣніе, такъ и въ тѣхъ, которыя не сохранили, господствуетъ почти полная однородность. Здѣсь всѣ земледѣльцы-собственники, приблизительно равнаго вѣса. Даже тѣ, которые окончательно запутались въ страшныхъ путахъ современности, безлошадные и безхозяйные, батраки, даже большая половина фабричныхъ все еще живо сознаютъ свою связь съ землей и считаютъ себя имѣющими право на надѣлъ и самостоятельное хозяйство и имѣютъ это право по сознанію всей массы народа, что гораздо важнѣе. Несмотря на тлетворное вліяніе кулака, духъ солидарности крѣпокъ въ русской деревнѣ, какъ великорусской, такъ и малорусской. Она сознаетъ противоположность интересовъ между собою, какъ представителемъ труда, и дворянствомъ и купечествомъ, господами, какъ представителями угнетенія, она сознаетъ свое право на всю русскую землю, Божью землю, на которую одинаковыя права имѣетъ каждый человѣкъ (сколько разъ при насильственныхъ экспропріаціяхъ во время бунтовъ крестьяне отводили и барину одинаковый участокъ со всѣми). Если бы въ настоящій историческій моментъ, да и въ будущемъ еще хоть бы значительное время спустя, былъ ниспроверг-

нутъ существующій политическій строй и власть попалась бы въ руки народа и его друзей, то не предстояло бы никакой трудности переорганизовать экономическія отношенія на демократическихъ основахъ, тѣмъ болѣе, что основы эти близки и знакомы каждому русскому мужику на столько же, на сколько любому ученому доктринеру. Надѣленіе общинъ въ достаточномъ количествѣ землей, оставленіе незанятой земли про запасъ для будущихъ поколѣній, измѣненіе системы податей на разумныхъ началахъ, устройство правильнаго кредита (а не той жалкой пародіи на него, которая существуетъ теперь) для того, что бы снабдить мужика инвентаремъ, котораго у него сплошь и рядомъ не имѣется, созданіе общины, очищенной отъ постороннихъ разъѣдающихъ примѣсей, освобожденной отъ пагубнаго произвола становыхъ — все это мѣры вполнѣ осуществимыя. Что касается мануфактурной промышленности, то фабрики легко будетъ передать во владѣніе рабочихъ уже по причинѣ незначительности ихъ числа. Труднѣе будетъ перестроить на артельныхъ началахъ кустарному производству, но во всякомъ случаѣ кустарямъ это будетъ гораздо легче, чѣмъ западноевропейскимъ ремесленникамъ и одиночкамъ, ибо артельное начало знакомо нашему мужику-кустарю гораздо болѣе, чѣмъ европейскому ремесленнику-одиночкѣ. Во всякомъ случаѣ организація общественныхъ магазиновъ и кредита дастъ, съ одной стороны, кустарю возможность избавиться изъ лапъ скупщика, а съ другой, положитъ начало будущему ассоціаціонному строю. Затѣмъ истинно народному правительству представляется широкое поприще для постепеннаго внѣдренія соціализма въ народные нравы путемъ пропаганды и школъ, устройства образцовыхъ соціалистическихъ фермъ и фабрикъ и т. п. Всѣ эти реформы могутъ быть произведены очень спокойно и миролюбиво, настолько же спокойно, какъ реформа 1861 года, потому что при первыхъ же побѣдоносныхъ шагахъ революціи, враги народа спрячутся по норамъ и ни одинъ не осмѣлится даже выглянуть оттуда.

Но если настоящее состояніе Россіи еще допускаетъ такія измѣненія, то нельзя ручаться, что всегда будетъ тоже самое. Если существующій порядокъ продержится еще долго, то положеніе нашей деревни можетъ существенно измѣниться. Кулаки разрушатъ въ конецъ народное единеніе, разорвутъ общину, гдѣ она есть, уничтожатъ духъ солидарности и распространятъ вмѣсто него духъ вражды, ненависти и хищенія. Въ самой народной массѣ произойдетъ распаденіе на слои. Въ верхній слой выдѣлятся кулаки и

вообще мужики очень богатые, которые составятъ сельскую буржуазію и такъ какъ объектъ хищнической эксплуатаціи исчезнетъ, то они мирно займутся земледѣліемъ на своихъ большихъ участкахъ при помощи арміи батраковъ. Значительная часть крестьянства, выбившись изъ круговой податной поруки, осилитъ наконецъ свое тяжелое положеніе, введетъ правильное (разумѣется, не интенсивное, не имѣющее смысла на обширныхъ русскихъ равнинахъ) хозяйство и будетъ составлять массу рядоваго крестьянства на западно европейскій ладъ, крестьянства, вообще говоря, сытаго и довольнаго своимъ положеніемъ. Остальная часть крестьянства обратится въ захребетниковъ, огородниковъ и просто батраковъ и будетъ находиться въ эксплуатаціи у первыхъ двухъ слоевъ. Однимъ словомъ наша деревня устроится на манеръ французской или нѣмецкой. Тогда революціонный духъ неминуемо исчезнетъ изъ деревни и она сдѣлается оплотомъ экономическаго *statu quo*, опорой консерватизма, какъ и западно-европейская. Масса собственниковъ, притомъ собственниковъ питающихся хлѣбомъ, а не лебедой, будетъ постояннымъ противникомъ всякихъ экономическихъ измѣненій, хотя вѣроятно будетъ сильно тяготѣть къ освобожденію отъ урядниковъ и становыхъ, чего добиться вовсе не трудно для буржуазіи. Батраки будутъ, правда, имѣть сильныя причины быть недовольными, но они будутъ слишкомъ забиты, слабы, разрознены, чтобъ дать перевѣсъ своимъ желаніямъ. До сихъ поръ нигдѣ почти въ Европѣ нѣтъ попытокъ къ революціонной организаціи сельскихъ батраковъ. Между всѣми этими слоями будутъ существовать многочисленные и незамѣтные переходы, но переходы эти только будутъ ослаблять каждый слой, вмѣсто того, чтобы созидать между ними объединеніе. Какой нибудь огородникъ, въ сущности живущій наемнымъ трудомъ, но имѣющій клочекъ земли, а такихъ будетъ страшное множество, будетъ уже чувствовать себя отрозненнымъ отъ полнаго батрака, свободнаго отъ всякой земли. И придется намъ пойти по старой европейской дорогѣ въ ожиданіи, когда капитализмъ обратитъ всѣхъ мужиковъ въ батраковъ, объединитъ землю и заставитъ объединиться рабочаго и приведетъ насъ къ соціальной революціи, какъ по писанному. Грозные признаки разложенія общины, выдѣленіе деревенскаго безлошаднаго и безхозяйнаго пролетаріата во многихъ мѣстахъ, достигающаго 20%, указываютъ уже на возможность подобнаго печальнаго будущаго. Для насъ является очень сомнительнымъ смѣлое утвержденіе, будто бы русская община сама въ себѣ таитъ силу, которая даетъ ей воз-

можность мирнымъ образомъ противостоять кулаку въ повседневной борьбѣ и удержаться на позиціи? Прежде всего общинные институты существуютъ только въ Великороссіи, хотя духъ народнаго единенія и мужицкая однородность распространены гораздо шире. Несомнѣнно, что русская община очень стойка, гораздо болѣе, чѣмъ ея иноземныя сестры; она можетъ выставить много новыхъ пріемовъ для борьбы съ современной деревенской неурядицей и сектантскимъ движеніемъ—именно и носятъ такой отпечатокъ преображенныхъ общинныхъ началъ, она можетъ сильно затормозить поступательное шествіе кулацкой неправды, но остановить его ей врядъ ли удастся. Для этого у кулацкой цивилизаціи слишкомъ много союзниковъ во всѣхъ частяхъ сельскаго и общегосударственнаго управленія.

Наконецъ, на развитіе въ Россіи буржуазнаго строя, какъ въ мануфактурной, такъ и въ сельской промышленности, можетъ имѣть сильное вліяніе положеніе всемірныхъ рынковъ. Народное хозяйство западной Европы переживаетъ теперь эпоху кризисовъ, вызванную окончательнымъ переполненіемъ всѣхъ рынковъ, перепроизводствомъ, логически вытекающимъ изъ развитыхъ основъ капитализма. Эти кризисы въ одинаковой степени касаются и мануфактурной пр. и земледѣлія, и они настолько сильны, что легко могутъ привести Европу къ преобразованію своего хозяйства на совершенно новыхъ началахъ. Такое преобразованіе будетъ имѣть и для Россіи большое значеніе, и въ качествѣ заразительнаго примѣра, и принуждая ее приспособляться новыми пріемами къ новому положенію рынковъ. Однако нельзя утверждать, что такое измѣненіе европейскаго строя, особенно ежели оно произойдетъ еще не скоро, можетъ преградить Россіи тріумфальное шествіе по буржуазному пути и вернуть ее на народную дорогу. Можетъ быть такое преобразованіе Европы освободитъ азіатскіе рынки для русской мануфактурной промышленности.

Однако каковы бы не могли быть будущія перспективы, открывающіяся передъ нашей буржуазіей, несомнѣнно то, что въ настоящее время она, какъ и всѣ другіе правящіе классы, является созданіемъ деспотическаго правительства и всецѣло зависитъ отъ него. Судьба ея тѣсно связана съ судьбою произвола въ Россіи. Очевидно, что всякое измѣненіе этого политическаго строя будетъ для нея только пагубно. Поэтому для насъ представляется удивительнымъ столь распространенное мнѣніе, будто нашей буржуазіи политическая конституція можетъ принести пользу, давъ ей возмож-

ность каким-то образом объединиться. Мнѣніе это, заимствованное изъ западно-европейской жизни, совершенно не соображено съ обстоятельствами русской исторіи. Буржуазія наша, даже если считать ее за представительницу будущаго политически могучаго сословія, а не за худосочное и паразитное растеніе, находится не въ цвѣтѣ, а въ зародышѣ, не въ періодѣ развитаго производства, а въ періодѣ накопленія богатствъ. Но если зрѣлая буржуазія постоянно стремится къ захвату политической власти, то буржуазія нарождающаяся нуждается въ содѣйствіи деспотической власти. Зрѣлое производство сопряжено съ славянской эксплуатаціей рабочаго, съ эксплуатаціей медленной и вѣрной при помощи законно оформленнаго присвоенія прибавочной стоимости, а накопленіе богатствъ отличается хищническими пріемами, грабительствомъ насильно денегъ изъ всѣхъ кармановъ и складываніемъ ихъ въ бездонные карманы богача—ростовщика, купца. Такой грабежъ никогда не довольствуется законными средствами, а постоянно переступаетъ границы дозволеннаго и потому для него выгодно дѣйствованіе во мракѣ деспотическаго управленія. Право, не будетъ парадоксомъ утверждать, что каждый русскій кулакъ въ теченіе своей жизни совершаетъ два-три преступленія тяжелаго уголовнаго свойства даже и по русскимъ законамъ. При малѣйшемъ господствѣ законности дѣятельность его скоро была бы прекращена тюремнымъ заключеніемъ, и не спасла бы его дружба съ исправникомъ и становымъ, какъ она спасаетъ его теперь.

Что же касается до крупнаго мануфактурнаго капитализма, то онъ существуетъ исключительно на казенныя средства, и всякое *господство законности положитъ немедленно конецъ* этой непригодной оргіи, нелѣпой даже съ точки зрѣнія деспотизма. Рыковщина была бы невозможна въ конституціонной странѣ, по крайней мѣрѣ въ такой рѣзкой формѣ.

И европейская буржуазія переживала такой подготовительный періодъ и тогда она не проповѣдовала *laissez faire, laissez passer*, не была сторонницей слабой власти, а напротивъ того, неутомимо завывала: «помогайте намъ грабить кого попало — рабочаго, мужика, американскаго туземца, удалите заграничную конкурренцію, вводите тарифы, давайте намъ монополіи и субсидіи, привиллегіи и преміи, не то—мы не будемъ въ состояніи существовать». Правительство заботливо прислушивалось къ этимъ дикимъ воплямъ и давало, давало даже больше, чѣмъ у него просили.

Что можетъ дать конституція нашей буржуазіи? Возможность

организовалася политически? Но она не доросла еще до такой организации. Наша исторія именно на этомъ пунктѣ не похожа на французскую дореволюціонную. Тамъ буржуазія во первыхъ достигла уже достаточной степени зрѣлости, чтобы захватать бразды правленія въ свои руки, а во вторыхъ она не столько стремилась къ захвату политической власти, сколько жаждала освободиться отъ гнета правительства, правительства исключительно дворянскаго, принижавшаго и сбиравшаго ее наравнѣ съ народною массой. Надо было освободиться отъ податнаго состоянія, отъ внутреннихъ таможенъ, отъ промышленныхъ путъ, отъ цеховъ, отъ дворянской наглости, отъ судейской жадности и отъ десятины и т. п. Вообще буржуазія никогда не отличается сильнымъ революціонно политическимъ направленіемъ. Даже въ бурную эпоху первой революціи она съ охотой оставила бы королю и тронъ, и значительную долю прерогативъ власти, если бы была увѣрена, что онъ дѣйствительно сдѣлается ея королемъ, конституціоннымъ королемъ и не будетъ стремиться къ возстановленію стараго порядка во всей его чистотѣ. Сколько разъ буржуазія добровольно стремилась отъ политической власти, бывшей у нея въ рукахъ и сажала себѣ на шею разнаго рода проходимцевъ цезарей, лишь бы получить у нихъ защиту отъ грозной волны народнаго возстанія? И когда этотъ проходимецъ приводилъ страну на край гибели, и погибалъ вслѣдствіе какой нибудь катастрофы, буржуазія всегда готова была посадить другаго претендента на его мѣсто. Отъ добра—добра не ищутъ. Нашей буржуазіи современный строй на руку и она только проиграетъ при перемѣнахъ. Политика нашего правительства въ противоположность дореволюціонной французской носитъ буржуазный характеръ уже двадцать пять лѣтъ и достигаетъ почти самоотверженія. Русскій императорскій орелъ подобно пеликану, разрываетъ себѣ грудь, чтобы накормить своихъ ненасытныхъ, уродливыхъ, недоношенныхъ дѣтей. Если теперь въ воздухѣ запахло дворянскою эрой, то это вовсе не исключаетъ буржуазной политики—доказательство—недавній рядъ тарифовъ и субсидій, постройка новыхъ желѣзныхъ дорогъ и т. п. Даже болѣе, русское правительство, столь грубое и неуклончивое по отношенію къ народу, передъ буржуазіей оказывается необыкновенно уступчивымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Если теперь, когда буржуазія представляетъ паразитное растеніе, рѣчь идетъ объ ея процвѣтаніи, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что когда буржуазія будетъ представлять реальную экономическую силу, правительство будетъ съ радостью исполнять всѣ ея желанія.

Понадобится организація, оно дастъ организацію, понадобится представительство, оно созоветъ соборъ свѣдущихъ людей, даже можетъ быть конституцію дастъ.... въ предѣлахъ.... И тогда буржуазіи конституція принесетъ пользу, а теперь даже самая скверная конституція, которая однако несомнѣнно предполагаетъ гласность, свободу передвиженія, нѣкоторое господство законности, пагубно отзовется на всемъ ея существованіи, положивъ конецъ хотя бы нынѣ фальшивымъ общественнымъ приговорамъ, которые теперь въ такомъ ходу, далъ мужику возможность, по крайней мѣрѣ уйти свободно на новыя земли. Кромѣ того наше экономическое состояніе таково, что малѣйшій проблескъ свѣта въ политическомъ мірѣ немедленно повлечетъ за собой рядъ мѣръ «для улучшенія народнаго быта», уже изъ одного стыда. И наша некультурная, разрозненная, необразованная буржуазія звѣрскимъ инстинктомъ понимаетъ свое положеніе гораздо лучше, нѣмъ ея ученые нѣмцы и судьи. Поэтому она всецѣло предана существующему строю. Кто у насъ самые вѣрные приверженцы трона? кулаки, купцы, фабриканты. Кто столпъ отечества? Осипъ Ивановичъ Дерюгинъ. Кто защитникъ основъ? Антонъ Ивановичъ Разуваевъ. Кто въ деревнѣ готовъ прежде всѣхъ подать донось въ неблагонадежности на злополучнаго учителя? Кабатчикъ и т. п. Возьмемъ легальную печать. *Мертвенные либеральные органы, вышедшіе изъ буржуазной почвы*, никакихъ корней, всѣ пропѣдуютъ свободу торговли. За то «Московскія Вѣдомости», «Современныя Извѣстія», «Новое Время» и «Петерб. Вѣдомости» всѣ единогласно защищаютъ интересы сытыхъ фабрикантовъ и желѣзныхъ заводчиковъ. Можетъ ли быть сомнѣніе, что наша буржуазія доброжелательно смотритъ на послѣднія, а не на первые органы печати. Конечно изъ нея могутъ выдѣляться отдѣльныя личности, даже группы, которыя подъ вліяніемъ образованія и въ противорѣчіе интересамъ своего сословія, будутъ платонически вожделѣть о «правовомъ государствѣ». Но массѣ нашей буржуазіи не нужно никакихъ «гарантій», кромѣ «расшивочно и на вынось»!

И такъ вообще относительно русскихъ правящихъ классовъ можно сдѣлать такой выводъ: они представляютъ создавшіе правительства, не имѣютъ никакой самостоятельной силы и значенія, и поэтому во первыхъ являются ярыми приверженцами своего создателя—*деспотическаго произвола*, а во вторыхъ *конституція* по своему существу должна остаться платонической, ибо, повторяемъ, у нашихъ правящихъ классовъ нѣтъ никакого интереса на

реальную силу. Это мѣшокъ съ балластомъ, который во время борьбы только затруднитъ того, у кого онъ виситъ за спиною.

V.

Теперь перейдемъ къ главному дѣятелю нашей общественной жизни, къ самодержавію, и точно также начнемъ съ обзора его историческаго развитія. Въ періодъ дотатарскій, какъ уже сказано выше, власть князей была очень слаба. Хотя, будучи властью единичной и окруженная дружиной съ признаками организаціи, она съ самаго начала имѣла значительныя преимущества надъ стихійной и неорганизованной силою вѣча, но она не могла нигдѣ укрѣпиться, ибо князья слишкомъ часто мѣняли столы: честолюбіе, нестолюбіе, народное изгнаніе или вокняженіе на новомъ мѣстѣ, духъ приключеній и т. п. были причиною того, что нѣкоторые князья за свою жизнь успѣвали переѣздить болѣе десяти областей. Принципъ народоправства былъ очень силенъ. «Иди себѣ, говорили горожане князю, который имъ не нравился, а мы поищемъ себѣ другаго князя.» И такое изгнаніе было въ порядкѣ вещей и вовсе не считалось бунтомъ противъ законной власти.

Однако къ концу періода замѣтно постепенное ослабленіе вѣча и усиленіе княжеской власти, если не во всѣхъ, то во многихъ областяхъ. Это совпадаетъ съ тѣмъ обстоятельствомъ, что удѣлы раздробились и княжескіе роды стали сидѣть въ нихъ прочно. Татарское иго во всякомъ случаѣ перевернуло вверхъ дномъ весь строй русской жизни. Татары не поселились въ завоеванной ими странѣ. Этому Россія обязана тѣмъ, что сохранила арійскій облакъ и въ концѣ концовъ оказалась способной къ воспріятію европейской цивилизаціи. Но и помимо этого татары принесли Россіи много вреда, не столько насильственными поборами и разореніями, сколько своимъ огрубляющимъ вліяніемъ на нравы и весь строй жизни. Какъ Золотой Орды, власть котораго была деспотически безграничная, хотя и подчинена Великому монгольскому хану, естественно желалъ и въ подчиненныхъ областяхъ посадить точно такихъ же подручниковъ, какъ и онъ самъ. Ему казалось хлопотливымъ и опаснымъ вести сношенія съ народными вѣчами, которыя питали противъ татаръ непримиримую ненависть, и вмѣсто дани, были гораздо болѣе склонны надѣлять ханскихъ сборщиковъ и ихъ свиту ударами копья и палицы. Вести сношенія съ князьями было гораздо удобнѣе, но и тутъ лучше было поставить одного, кото-

рый былъ бы послушенъ, безъ всякихъ хлопотъ доставлялъ хану дань и держалъ въ подчиненіи русскую землю. Такими послушными князьями явились князья московскіе, а потому они получили ханскую милость и порученіе собирать «выходъ» татарамъ по всей русской землѣ. Это дало имъ возможность подчинить себѣ всю русскую землю и пріобрѣсти огромныя богатства. Ханскіе отряды всегда были готовы идти на помощь Москвѣ противъ того, на кого она указывала, какъ на противника ханской власти, уклоняющагося отъ платежа „выхода". Такъ началось усиленіе власти московскихъ князей. Затѣмъ въ теченіе двухъ вѣковъ она постепенно объединяетъ всѣ области и уничтожаетъ всѣ политическія силы Россіи. Съ вѣчемъ, ослабленнымъ страшными татарскими погромами, легко было справиться, особенно въ центральныхъ московскихъ областяхъ, гдѣ оно никогда не было очень сильно. Населеніе области суздальской, въ особенности же московской, не было исконнымъ—оно состояло изъ сборныхъ переселенцевъ, которые сходились со всѣхъ концовъ Руси на призывъ князей суздальскихъ и московскихъ, убѣгая отъ домашней неурядицы. Здѣсь они пользовались безопасностью и отъ усобицъ междоусобныхъ, и отъ татарскихъ набѣговъ, подъ защитою могучихъ князей, которые, надо имъ отдать справедливость, начиная еще съ Андрея Боголюбскаго, дѣйствительно заботились объ своихъ родовыхъ областяхъ, объ спокойствіи и благосостояніи сельскихъ жителей. Но такъ какъ между этими переселенцами не было прочной органической связи, то здѣсь не могло организоваться сильнаго вѣчеваго строя, когда къ тому же за этимъ ревниво слѣдилъ сильный господинъ — Московскій князь.

Трудно было московскимъ князьямъ справиться съ вѣчевымъ строемъ Новгорода и Пскова, но и это постепенно удалось путемъ подкупа и насилія. Точно также имъ удалось справиться съ слабосильными князьями множества мелкихъ областей и съ ихъ миніатюрными боярствами и вѣчами. Татары, вначалѣ помогавшіе московскимъ князьямъ, въ концѣ концовъ ревниво стали смотрѣть на ихъ возрастающую власть, но Москва могла уже собирать русскую землю своими собственными силами и очень скоро низвергла татарское иго. Русь освободилась отъ татаръ, но ея старинная воля замѣнилась татарскими началами самодержавнаго произвола и закрѣпощенія.

Съ этихъ поръ власть царей быстро ростетъ, чему способствуетъ болѣе всего то, что у нея за уничтоженіемъ вѣча, не оказывается

никакого противовѣса. Обыкновенно случается, что когда деспотъ уничтожаетъ свободу, то тѣмъ не менѣе онъ сохраняетъ древнія учрежденія, когда то служившія свободѣ; эти учрежденія, хотя и составляютъ теперь безсодержательную оболочку, но при случаѣ могутъ сослужить свою службу, хотя бы только напоминая народу о минувшей свободѣ. У насъ вѣче не имѣло почти никакихъ органовъ, никакихъ установленныхъ формъ управленія, а потому исчезло безъ слѣдъ изъ народной жизни и памяти. Да и какъ могло собираться въ Московскомъ государствѣ что нибудь подобное вѣчу—поголовной сходкѣ, принадлежащей исключительно временамъ мелкой областной жизни. Когда впослѣдствіи при Иванѣ Грозномъ собрался земскій соборъ, основанный на новомъ началѣ представительства, то самодержавная власть уже не опасалась никакихъ соперниковъ. Жалкая и приниженная роль русскихъ земскихъ соборовъ тогда и послѣ прямо указываетъ на это. Именно при Иванѣ Грозномъ самодержавіе почти достигло своей кульминаціонной точки и съ тѣхъ поръ положеніе его, *собственно говоря*, не измѣнялось. Оно прошло черезъ рядъ неурядицъ смутнаго времени, черезъ рядъ династическихъ переворотовъ XVIII вѣка, черезъ бунты, черезъ нашествія непріятелей, не измѣняясь какъ принципъ, не теряя нисколько изъ своей силы и значенія, и россійская имперія Александра II была настолько же самодержавной, насколько россійское царство Ивана Грознаго.

Что же поддерживало его въ это долгое теченіе времени? Что дало ему возможность выдержать столько переворотовъ, не поплатившись ровно ничѣмъ? Въ чемъ его сила? Какъ это ни парадоксально, но приходится сознаться, что у русскаго самодержавія нѣтъ никакой особенно прочной силы и оно держалось все это время только потому, что у него не было сколько нибудь могучихъ соперниковъ, причемъ часто значительныя измѣненія въ его судьбѣ зависѣли отъ случая, отъ характера одного лица и т. п. мелкихъ причинъ. Главной точкой опоры русскаго самодержавія является не совпаденіе его съ интересами народа или одной какой либо могущественной части народа, а рутинная привычка всѣхъ слоевъ народа къ слѣпому повиновенію—привычка, составлявшая свойство всѣхъ восточныхъ монархій, столь непрочныхъ—и мнѣническая вѣра въ царя, разсматривать которую намъ придется еще впереди. Дѣйствительно, какъ доказано выше, въ Россіи не было ни одной самостоятельной силы между правящими классами, стало быть они не могли составить для правительства ни сопер-

ника, ни опору, тѣмъ болѣе, что правительство въ теченіе очень долгаго времени преслѣдовало интересы государевы и государственные, большей частью въ ущербъ правящимъ классамъ. И насколько слабая тѣнь политической жизни проходитъ по душѣ нашихъ правящихъ классовъ, она неизмѣнно выражается въ оппозиціи, хотя бы въ видѣ воркотни князя Берсень-Беклемишева или писемъ Курбскаго. Тѣмъ не менѣе или именно поэтому недостатку самостоятельной силы, правящіе классы довольно усердно служатъ правительству въ ожиданіи хоть какихъ бы то ни было милостей и часто оказываютъ ему не маловажныя услуги. Далѣе народная масса, которая послѣ уничтоженія вѣчеваго строя осталась разрозненною и безгласною и утратила всякое умѣнье и вкусъ къ политической жизни, конечно не могла выставлять соперниковъ для борьбы съ правительственнымъ произволомъ. Она выдѣляла изъ себя буйное и удалое казачество, которое вело борьбу со всѣми основами существующаго строя; но казачество не въ силахъ было «тряхнуть Москвой», какъ хотѣлось Стенькѣ Разину, оно могло только основать нѣсколько вольныхъ поселеній, до поры, до времени свободныхъ отъ ига центральной власти.... Народная масса могла выдѣлять бѣглецовъ, уходившихъ въ лѣсъ и пустыню отъ невыносимаго домашняго гнета. Никакого прочнаго организованнаго сопротивленія правительственному произволу она оказать не могла. За то въ большей части тѣхъ случаевъ, когда правительству приходилось круто отъ какихъ нибудь враговъ, народная масса оставалась довольно равнодушною зрительницей этого и вступалась только тогда, когда ея собственная шкура ощущала чужіе когти. Въ 1612 и 1812 гг. русская народная масса спасала самое себя, пожалуй отечество и вѣру, но никакъ не самодержавный тронъ. За то при всѣхъ династическихъ переворотахъ XVIII в. она оставалась совершенно безгласною и спокойно смотрѣла на то, какъ одна шайка проходимцевъ смѣняла «на верху» другую. Впрочемъ настроеніе русской народной массы есть довольно сложная вещь и именно оно составляетъ главную точку опоры царизма. Пока же какъ фактъ нужно принять равнодушіе ея къ политической жизни Россіи.

Самодержавный произволъ, выростая, задавилъ всѣ политическія силы страны и послѣ этого самъ оказался не имѣющимъ прочной опоры подъ ногами. Деспотизму, не опирающемуся ни на какую часть народа, остается единственная опора—штыки. Императорское правительство воспользовалось этой опорой въ огромныхъ размѣрахъ, но въ доимператорскій періодъ даже войска постояннаго со-

держать не было средствъ. Войско состояло изъ тѣхъ же служилыхъ людей, т. е. было опорою очень ненадежною и шаткою. Было, правда, заведено нѣсколько стрѣлецкихъ полковъ, составлявшихъ, такъ сказать, царскую гвардію. И любопытная вещь! Эти нѣсколько тысячъ разнузданныхъ воиновъ могли въ теченіе нѣкотораго времени играть роль преторіанцевъ, возводить и низводить царей, именно потому, что никто имъ не въ состояніи былъ оказать сопротивленія. Все остальное можно было причислить къ предметамъ неодушевленнымъ въ политическомъ отношеніи. Современная сила русскаго самодержавія зиждется на тѣхъ же самыхъ основахъ. Прежде всего это матеріальная сила, находящаяся у него въ рукахъ—это деньги, которыя оно взимаетъ съ народа, милліоны войскъ пріученныхъ дисциплиной къ повиновенію и стрѣляющихъ въ своихъ же собственныхъ братьевъ-мужиковъ; готовая организація административнаго управленія, которая выработалась вѣками и которая конечно находится всецѣло въ распоряженіи правительства. Но все это силы такъ сказать механическія, которымъ недостаетъ двигательнаго принципа. Недостаточно еще того, чтобы солдаты были пріучены къ слѣпому повиновенію. Если они не принесли съ собой изъ народныхъ рядовъ никакой поддерживающей правительство идеи, если эта идея не горитъ въ ихъ сердцѣ, то они постоянно будутъ составлять очень двусмысленную защиту и своему ближайшему начальнику будутъ, напр., гораздо больше повиноваться, чѣмъ кому бы то ни было. Дѣйствительно наши солдаты въ значительной степени отличаются пассивностью въ этомъ отношеніи, но они имѣютъ также идею, которую они раздѣляютъ со всѣмъ народомъ. Эта идея есть вѣра въ царя. Въ массѣ нашего народа распространена мифическая вѣра въ то, что русскій царь исключительно и всецѣло поглощенъ заботами о народѣ, и его благія пожеланія не получаютъ осуществленія только благодаря сопротивленію господъ, помѣщиковъ, чиновниковъ. Образованіе этой идеи относится къ первымъ временамъ Московскаго государства. Конечно и въ удѣльно-вѣчевой періодъ существовали зачатки такого воззрѣнія. Среди безконечныхъ, внутреннихъ вѣчевыхъ раздоровъ, когда возставали родъ на родъ, братъ на брата и отецъ на сына, единоличная власть князя представлялась прибѣжищемъ, которое внесетъ порядокъ въ нашу смутную землю. Но здѣсь князья стояли слишкомъ близко къ народу и никакихъ иллюзій на ихъ счетъ образоваться не могло. Всѣ видѣли каждое насиліе, каждый проступокъ князя. Поэтому, если населеніе жаловало князей правед-

ныхъ и къ народу милостивыхъ, какъ Владиміра Мономаха, Даніила Галицкаго, Мстислава Удалаго, то злымъ и неправеднымъ оно говорило: «уйди добромъ, коли не хочешь уйти съ безчестьемъ!» Но въ Московскій періодъ обстоятельства сложились иначе. Мы уже сказали, что въ началѣ образованія Московскаго княжества, Московскіе князья, звѣрски жестокіе и лукавые по отношенію къ другимъ областямъ, отечески заботились о жителяхъ своей собственной. Московскіе насельники не знали усиленныхъ поборовъ, не чувствовали на своей шкурѣ безпрерывныхъ междуусобныхъ войнъ и ежегодныхъ татарскихъ набѣговъ. Поэтому московская земля чрезвычайно быстро и плотно населялась бѣглецами изо всѣхъ странъ русской земли. Къ этому времени именно относится заложеніе фундамента безграничной любви и благоговѣнія передъ царемъ, которыя впослѣдствіи такъ сильно развились. Къ этому присоединилось вліяніе религіи, бывшей въ эпоху татарскаго ига сильнѣе, чѣмъ когда бы то ни было. Русское духовенство постоянно стояло на сторонѣ стремленій къ объединенію Руси и абсолютизму, отчасти руководствуясь началами, вынесенными изъ Византіи, отчасти же надѣясь, въ виду собственной слабости, сильно поживиться отъ могучей княжеской власти. Московскіе князья дѣйствительно были богобоязненны и щедры къ церкви и остерегались *приходить въ столкновеніе съ попами и монахами, которые, если* сами не могли занять могущественнаго положенія, подобнаго положенію католическаго духовенства, то повредить могли всякому.

Московскіе жители до того были привязаны къ своимъ князьямъ, что служили имъ ферментомъ для распространенія царизма. При завоеваніи какой нибудь чужой области, Московскіе князья и государи имѣли обыкновеніе тысячами выселять оттуда «лучшихъ людей» и на ихъ мѣсто переселять москвичей; тысячи псковичей, новгородцевъ, тверитянъ, рязанцевъ, растворились въ Москвѣ безъ слѣда, а москвичи послужили въ Псковѣ, Новгородѣ и т. п. ядромъ для распространенія пассивнаго повиновенія и преданности *государю. И дѣйствительно, дальнѣйшая исторія слила воедино* всѣ области и скоро исчезло всякое воспоминаніе объ ихъ старинной розни; вмѣстѣ съ тѣмъ и царизмъ разлился по всей массѣ народа. Основной причиной его дальнѣйшаго развитія нужно признать необходимость для страдающаго народа находить себѣ утѣшеніе *въ чемъ нибудь, въ какой нибудь идеѣ*, такъ чтобы его страданія казались ему не безцѣльнымъ мученичествомъ, а самоотверженіемъ въ пользу именно этой идеи. Кромѣ того необходимо, что-

бы эта идея подавала страдальцу надежду на лучшее будущее, на награду за его страданія. Быстрое распространеніе христіанства въ античномъ мірѣ объясняется именно этими свойствами его. И не имѣя этой ободряющей его идеи, народъ, подъ вліяніемъ страданій, принижается, обращается въ безразличное стадо рабовъ. Такъ было между прочимъ въ древнихъ монархіяхъ востока, гдѣ великій «царь царей» внушалъ подданнымъ только страхъ, вовсе не любовь. Но когда народъ обращается въ апатическое стадо, это сулитъ скорой гибелью странѣ, ибо для него очень трудно выйти изъ этого мертвеннаго состоянія. Такой народъ не будетъ производить *возстаній дома, какъ ни тлии изъ него жилы*, но и при столкновеніи съ чужеземными силами, когда высшіе классы, изнѣженные долгой роскошью, потерпятъ пораженіе, онъ не возстанетъ на защиту своего отечества и также апатично подчинится новымъ господамъ, какъ подчинялся старымъ. Такимъ образомъ египетское простонародіе вынесло на своей спинѣ цѣлый рядъ завоевателей, отъ перовъ до турокъ безъ малѣйшаго ропота.

Когда успѣлось Московское государство и освободилось отъ татарскаго подчиненія, оно, какъ уже сказано, возлагало на народъ свой невыносимыя тягости, и тягости эти увеличивались съ каждымъ годомъ. Опору для перенесенія этихъ тягостей народъ нашелъ именно въ государственной идеѣ царизма. У него мало по малу окрѣпло сознаніе, что эти тягости онъ несетъ не для чьихъ либо личныхъ выгодъ, не для помѣщиковъ и государя, а для пользы всего государства, для общерусскихъ нуждъ, о которыхъ именно заботится великій владыка, сидящій на золотомъ престолѣ, въ Москвѣ. Что именно представляютъ общерусскія государственныя нужды, народъ понималъ довольно смутно. Сюда входила и защита вѣры христіанской отъ поганыхъ, сливавшаяся съ защитою русскихъ границъ отъ татарскихъ набѣговъ, и запрещеніе чиновникамъ и служилымъ людямъ утѣснять народъ, и помощь сирымъ и голоднымъ, и многое другое. Понятіе о государственныхъ нуждахъ тѣсно переплелось съ понятіемъ о нуждахъ собственно народныхъ. Итакъ будучи убѣжденъ въ томъ, что царь заботится о государственныхъ нуждахъ, а стало быть и о народныхъ, народъ глубоко вѣрилъ въ то, что царь готовъ выслушать всякую жалобу народа и дать на нее удовлетвореніе и что, мало того, при первой возможности, онъ готовъ дать народу всѣ земныя блага. Не надо думать, что это убѣжденіе имѣло всѣ формы зрѣлой политической мысли; напротивъ того оно таилось въ пассивномъ состояніи въ

глубинѣ народной души и выходило оттуда наружу въ нѣкоторыя торжественныя минуты. На ряду съ этимъ уваженіемъ къ самому царю, у народа выработалось глубокое недовѣріе и ненависть къ правящимъ классамъ—къ чиновникамъ и помѣщикамъ. Ихъ многочисленныя преступленія и гнетъ они непосредственно ощущалъ и мало по малу привыкъ приписывать имъ все то зло, которое совершалось на русской землѣ, выгораживая такимъ образомъ отъ отвѣтственности своего мнѣческаго любимца—царя. Надо признать, что въ первую половину московскаго періода царизмъ имѣлъ извѣстную историческую логику. Князья московскіе дѣйствительно заботились не объ интересахъ чиновниковъ и помѣщиковъ, а объ интересахъ общегосударственныхъ, хотя по ихъ мысли эти интересы совпадали не съ народными, а съ ихъ личными интересами. Но интересы народные часто совпадаютъ съ интересами государевыми, здраво понятыми. Московскому царю было, напр., выгодно, чтобы масса народа была побогаче, чтобы ее поменьше грабили и внѣшніе, и внутренніе враги, ибо народное благосостояніе было тѣсно связано съ богатствомъ его собственной казны. Конечно власть государя должна была дѣйствовать въ народѣ черезъ посредство своихъ же приспѣшниковъ—грабительскихъ служилыхъ людей, но за то она никогда не отказывалась на посильную услугу народу. Она укрѣпила, напримѣръ, общинное начало въ критическій моментъ борьбы между богатыми и бѣдными въ русской деревнѣ (XVI—XVII в.), она удовлетворяла большую часть челобитныхъ о скидкѣ недоимокъ, о смѣнѣ того или другого воеводы, о введеніи самоуправленія, утверждая тѣмъ народную мысль, что дойти до царя—значитъ получить все. Въ ненависти къ чиновникамъ и помѣщикамъ укрѣпляли народную душу сами цари, чувствовавшіе въ свою очередь къ нимъ ненависть по совершенно инымъ причинамъ. Когда Иванъ-Грозный въ своихъ рѣчахъ—прокламаціяхъ сваливалъ всѣ бѣды своего управленія на приближенныхъ, когда онъ объявлялъ опалу на бояръ и высшее духовенство, объявляя въ тоже время, что къ народу у него никакого зла нѣтъ когда онъ выставлялъ народу на позоръ всѣ правящіе классы огуломъ, какъ своихъ враговъ, когда онъ казнилъ ихъ сотнями на лобной площади, все это должно было неотразимо утвердить народное убѣжденіе, что дѣйствительно бояре и царскіе приближенные—корень и причина всѣхъ бѣдъ и притѣсненій.

Когда началось постепенное прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, народъ сознавалъ, что это дѣлается въ государственныхъ интере-

сахъ и молчалъ. Онъ дѣйствительно ясно сознавалъ, что прикрѣпленіе вызвано необходимостью дать возможность существовать служилому классу и установить правильное теченіе податей въ казну. А такъ какъ вслѣдствіе круговой поруки интересы значительной части крестьянства противорѣчили переходу (оставшіеся должны были платить и за ушедшихъ), то мы имѣемъ даже многочисленныя просьбы со стороны черносошныхъ крестьянъ о запрещеніи перехода, предшествующія такимъ же просьбамъ со стороны служилыхъ людей. Конечно не надо думать, что народъ вовсе не искалъ выхода изъ своего приниженнаго состоянія. Напротивъ того прикрѣпленіе увеличило число убѣгавшихъ въ степи и лѣса; но оставшіеся терпѣли безропотно. Когда же крѣпостное право стало усиливаться и принимать острыя формы, то стало ослабляться и народное терпѣніе. Народъ не могъ помириться съ поруганіемъ своей личности, съ продажей человѣка, какъ собаки, ибо эти явленія не могли имѣть никакого государственнаго значенія, и отвѣтилъ на нихъ бунтомъ Стеньки Разина. Замѣчательна разница между эпохой смутнаго времени и бунтомъ Разина. Первая была всеобщей анархіей, гдѣ всѣ буйные недовольные элементы русской жизни—отъ разбойника-казака до недовольнаго молодого черпеца и дьячка, отъ удалого добра-молодца, крестьянскаго сына, до захудалаго боярина Салтыкова—пришли въ броженіе и разпуздались. Разинщина же имѣетъ характеръ опредѣленнаго возстанія простаго народа противъ правящихъ классовъ. Тѣ же самые казаки, которые, по единодушному приговору всего народа, въ смутное время были мучителями и разбойниками, теперь являются обаятельными для народа представителями возстанія противъ гнета и онъ пристаетъ къ нимъ толпами. Какъ извѣстно, возстаніе не удалось и народъ вынужденъ былъ волей-неволей помириться со всѣми ужасами крѣпостнаго права. Впрочемъ возстаніе Стеньки Разина было направлено противъ гнетущаго строя, противъ мучительскихъ правящихъ классовъ, но никакъ не противъ царя. Если самъ Разинъ и, пожалуй, буйные молодцы изъ казацкой голытьбы выражали желаніе тряхнуть всею Москвой, не исключая и самаго «сидящаго на верху,» какъ говаривалъ Стенька, то у народа не было такихъ святотатственныхъ стремленій и для этого народа Стенька долженъ былъ создавать самозваннаго патріарха Никона и царевича Алексѣя Алексѣевича.

Мы уже сказали, что послѣ возстанія народъ примирился со своимъ порабощеніемъ. Его утѣшало по крайней мѣрѣ то обстоя-

тельство, что и дворяне несутъ государственное тягло—военную службу. «Мужики отданы государствомъ помѣщикамъ только на время ради ихъ службы,» таково было мнѣніе народа во время, напр., Петра Вел. Поэтому, когда при Петрѣ III-мъ была дана извѣстная грамота дворянству, освобождавшая его отъ обязательной службы, крѣпостное право навсегда потеряло въ глазахъ народа всякій смыслъ существованія. Немедленно начали ходить слухи насчетъ грамоты «о вольности крестьянства,» дальнѣйшая трагическая судьба Петра была связана въ народныхъ представленіяхъ съ этой грамотой и почва для Пугачева была готова. Новое возстаніе имѣло еще болѣе рѣзко-опредѣленный характеръ, чѣмъ Разинщина, имѣло свою организацію и девизомъ его былъ старый девизъ русскаго народа: «земля и воля.» Оно держало въ осадѣ уже не слабое царство Алексѣя Михайловича, а могучую имперію, приводившую въ страхъ всю Европу. Хотя и Пугачевщина не имѣла успѣха, но на этотъ разъ русскій народъ ни за что не хотѣлъ помириться съ крѣпостничествомъ, потерявшимъ въ его глазахъ государственный смыслъ, и рядъ возстаній его не прекращался вплоть до 1861 г. Впрочемъ идея царизма не только вышла неприкосновенной изъ этой борьбы народа съ крѣпостнымъ правомъ, но и стяжала новые лавры 19 Ф. 1861 г.*)

По идеи царизма приходилось проходить и не чрезъ такія испытанія. Такимъ тяжелымъ испытаніемъ для нея является, напр., эпоха смутнаго времени. Династія послѣ неслыханныхъ ужасовъ царствованія Ивана Грознаго прервалась. Новый царь Борисъ, несмотря на многія хорошія качества, не пользовался сочувствіемъ народа. Явилась самозванщина, началась страшная неурядица, поляки готовились завладѣть Россіей. Народная масса, которая сначала по своему обыкновенію пассивно выносила на своей спинѣ всѣ грабительства и жестокости, наконецъ встрепенулась, прогнала враговъ и истребила главныхъ зачинщиковъ смуты. Предстояло вводить снова порядокъ. Но какой? Разумѣется монархическій—по старому

*) Во время Пугачевщины царизмъ одно время подвергался опасности быть дискредитированнымъ, благодаря крѣпостному праву. Не будучи въ состояніи понять, почему русская царица, т. е. всеобщая народная матушка, сверхъ всякихъ ожиданій держитъ сторону дворянства, народъ назвалъ ее дворянской царицей и противупоставилъ ей „законнаго“ царя, крестьянскаго отца, Петра Осдоровича. А между тѣмъ дворянская царица побѣдила. Если царизмъ, не смотря на все это, могъ снова процвѣсти въ народной груди, то только потому, что народъ не имѣетъ исторической памяти.

проложенному пути. Русскому уму смутное время представлялось приблизительно въ такомъ видѣ: пока существовала династія и цари сидѣли на тронѣ, въ русской землѣ былъ порядокъ и она была страшна своимъ врагамъ, хотя царямъ и приходилось принимать кровавыя мѣры боярскаго своевольства ради; но какъ только царя не стало, немедленно началась страшная неурядица, непосредніе виновники которой были бояре. Чтобы положить конецъ неурядицѣ, нужно посадить на тронъ новаго царя, который бы царилъ, какъ прежніе. Въ сущности это возрѣніе было близко къ истинѣ. Разъ въ Россіи не было другой организованной силы, кромѣ правительства, и главною пружиною правительства былъ самодержавный царь, то за исчезновеніемъ царя, организація конечно должна была рухнуть, а въ странѣ настала анархія. Желая снова ввести порядокъ, русскіе не могли взять ничего иного, кромѣ порядка абсолютной монархіи, ибо другіе порядки были имъ совершенно неизвѣстны. Такимъ образомъ царизмъ вышелъ изъ смутнаго времени даже съ большей силою, чѣмъ прежде и кульминаціонный пунктъ его восхожденія за московскую эпоху, собственно говоря, падаетъ не на Ивана Грознаго, а на Алексѣя тишайшаго.

Еще болѣе тяжкимъ испытаніемъ для царизма явилось время раскола. Будучи идеей мифическаго характера, царизмъ постоянно подвергался опасности потерять свое обаяніе, если сталкивался съ другой какой либо идеей плисъ историч. логикой событій. Мы видѣли уже, какъ быстро разрушилось уваженіе къ императрицѣ Екатеринѣ II, и идея царизма пошла по встрѣчному направленію, создавъ крестьянскаго царя, Петра Федоровича. Расколъ же оказался въ силахъ окончательно разрушить обаяніе царизма у значительной части населенія. Ко времени Алексѣя Михайловича, какъ сказано выше, въ народѣ накопилось много горючихъ элементовъ. До сихъ поръ недовольные могли только бѣжать на окраину, становиться воровскими казаками и вести борьбу съ существующимъ строемъ подобно тому, какъ велъ ее Разинъ; но для этого нужно было откинуть всякія идеи въ сторону, порвать со всѣми принципами благонравной жизни, отдать свою душу дьяволу, — на что могли рѣшиться только люди буйные или насильственно выкинутые изъ колеи. Въ казаки уходилъ отбросъ народа, а не народъ. Расколъ далъ народному недовольству необходимую точку опоры. Хотя мы и говорили раньше о сравнительной религіозной индиферентности русскаго народа, поэтому нисколько не исключало привязанности къ старымъ обычаямъ. Стоило неосторожно нарушить эту привязанность

и явилось недовольство. Недовольство могучее, ибо считало себя правымъ и поступающимъ по богоданнымъ правиламъ. Къ горячей проповѣди Аввакума, Лазаря и Никиты скоро пристала часть народа, можно сказать, лучшая, наиболѣе благочестивая, наиболѣе начитанная въ старыхъ книгахъ. Остальная масса хотя и не сочувствовала новизнамъ, но осталась по своему обыкновенію въ пассивномъ состояніи. Свѣтская власть слишкомъ рьяно вступилась, чтобы принудить раскольниковъ покориться,—они пришли къ отрицанію этой власти и ея главнаго представителя царя. Съ этихъ поръ расколъ окончательно теряетъ богословское значеніе и на первый планъ въ немъ выступаетъ общественно-отрицательный элементъ. Раскольники долго вели ожесточенную борьбу съ правительствомъ; нѣтъ сомнѣнія, что они участвовали въ бунтѣ Стеньки Разина, какъ впослѣдствіи участвовали въ бунтѣ Емельяна Пугачева. Вся эпоха отъ Алексѣя до Петра наполнена ихъ волненіями. Но самымъ тяжелымъ испытаніемъ, которому подвергалась идея царизма въ русской исторической жизни, было царствованіе Петра Великаго. Новый государь, какъ будто умышленно, дѣлалъ все возможное, чтобы разрушить древнее обаяніе своего престола. Нарушеніе религіозной старины и кощунственное надругательство надъ нею, попраніе всѣхъ старыхъ обычаевъ, дорогихъ русскому сердцу, наводненіе государства «погаными» иностранцами, а самое главное, страшное изнуреніе народа для невѣдомыхъ народу цѣлей, все это было въ состояніи пронять какую угодно душу. Дѣйствительно въ царствованіе Петра идея царизма трещитъ по всѣмъ швамъ, если можно такъ выразиться. Недовольствіе имѣло универсальный характеръ и кромѣ извѣстныхъ Стрѣлецкихъ, Астраханскихъ и Донскихъ бунтовъ, кромѣ частныхъ случаевъ „возмутительнаго“ характера, оно готово было выразиться во всеобщемъ народномъ возстаніи, если бы русскій народъ не былъ такъ пассивенъ, а глава правительства не обладалъ такой желѣзной энергіей. Въ концѣ концовъ народъ перенесъ и царствованіе Петра и забылъ....

И въ теченіе настоящаго столѣтія идея царизма не находилась въ одномъ и томъ же положеніи, а подвергалась частымъ колебаніямъ. Народъ никакъ не могъ согласить существованіе кровнаго права съ предполагаемою заботливостью объ немъ царя. Бары могутъ мѣшать ему годъ, другой, но странно было бы, если бы они были въ состояніи препятствовать ему заботиться о народномъ благѣ цѣлые вѣка. И вотъ послѣ отечественной войны нача-

нають ходить слухи о волѣ, подъ вліяніемъ нравственнаго возбужденія, вызваннаго войной. Слухи эти ведутъ къ волненіямъ, волненія оканчиваются экзекуціями и все это конечно не можетъ подѣйствовать укрѣпляющимъ образомъ на идею царизма. Такой же точно критической эпохой является для нея время послѣ крымской компаніи, видѣвшее тѣ же самыя волненія въ размѣрахъ гораздо болѣе обширныхъ. По 19-ое Февраля придало идеѣ царизма новую силу, утвердивъ народъ на мнѣніи, что царь дѣйствительно о немъ заботится, а всѣ недостатки реформы произошли отъ подвоховъ со стороны господъ. Настоящая эпоха также должна быть признана критическою для идеи царизма; на это указываетъ масса фактовъ, приходящихъ съ разныхъ сторонъ. Народъ ждетъ отъ царя новой воли—чернаго передѣла, и не получая ничего, начинаетъ разочаровываться. Велемудрая политика Александра III въ связи съ подтачивающей царизмъ дѣятельностью революціонной партіи, вѣроятно произведутъ то, что эта эпоха будетъ наконецъ роковою для идеи царизма, благополучно прошедшей сквозь столько бурныхъ стремнинъ. Впрочемъ мы будемъ еще имѣть случай вернуться къ этому.

Если вникнуть поглубже въ сущность идеи царизма, то мы увидимъ что она во первыхъ сослужила русскому народу службу, огромную по своему значенію, хотя и оригинальную по своимъ свойствамъ, а во вторыхъ таитъ въ себѣ здоровое ядро, окруженное злокачественной оболочкой. Если бы русскій народъ не имѣлъ этой идеи, утѣшавшей его въ бѣдствіяхъ, то весьма вѣроятно, что онъ обратился бы въ апатическое стадо, въ „быдло". Приведемъ еще одинъ примѣръ этого, кромѣ указанныхъ выше. Польско-бѣлорусское простонародье, родственное нашему по происхожденію, утратило способность къ политической жизни, именно вслѣдствіе отсутствія всякой поддерживающей надежды на лучшее будущее. Имъ самовластно управляли паны, а надъ ними онъ не могъ даже вообразить какой нибудь сдерживающей власти, ибо польскій король слишкомъ очевидно представлялъ изъ себя «панскій поцихачъ». Поэтому польскій и бѣлорусскій народъ относился скептически ко всякому правительству и не ждалъ никакихъ улучшеній въ своей судьбѣ. „Налетала туда черная, а еще налетѣла туча сизая, была, была Польша, а стала Россія", поетъ бѣлорусская пѣсня. Замѣчательно, что онъ не ощущалъ въ себѣ силы даже на возстанія и безропотно переносилъ иго, гораздо болѣе тяжелое, чѣмъ то, на которое русскій мужикъ отвѣчалъ Разинщиной и Пугачевщиной.

Здоровое ядро идеи заключается въ томъ, что она развила въ русскомъ народѣ патріотизмъ, понятіе о всеобщемъ отечествѣ, готовность переносить жертвы для этого отечества—однимъ словомъ въ ея общегосударственной сторонѣ. Затѣмъ мифическая оболочка царизма, окружающая ее, можетъ быть уничтожена первымъ дуновеніемъ революціоннаго вихря. Мы уже видѣли въ нашей исторіи, что эта оболочка отнюдь не отличается прочностью; если только народу дана другая идейная точка опоры, то онъ въ состояніи очень быстро оставить свое уваженіе къ личности царя, сохранивъ однако общенаціональную государственную сущность идеи царизма. Такъ во время самозванства, симпатіи народа и представительство главы русской страны сразу переносились съ одного лица на другое, какъ показываетъ не только Пугачевщина, но и исторіи лже-Константиновъ, случавшіяся въ царствованіе Николая. Почти нѣтъ сомнѣнія, что еслибы въ настоящую минуту было возможно появленіе какого нибудь самозванца, написавшаго на знамени своемъ «Земля и Воля», то народъ массою перенесъ бы свои упованія съ Александра III на новаго «Народнаго царя». Во время сильныхъ народныхъ возстаній, которыя могутъ послѣдовать скорѣе, чѣмъ ихъ ожидаютъ, распатланная идея царизма не разъ будетъ разбиваться о братоубійственные штыки, и тогда народу останется выработать себѣ новую чистую идею самодержавія народа, а не царя, и написать ее на своемъ знаменіи. Если онъ самъ не выработаетъ этой идеи, то за то пристанетъ къ тому, кто выставитъ ее, и если соціально-революціонная партія съумѣетъ во время исполнить эту задачу, то успѣхъ ея будетъ неразрывно связанъ съ успѣхомъ самаго народнаго возстанія. Если же правительство монархическаго произвола, вслѣдствіе какого нибудь внезапнаго поворота событій, будетъ замѣнено другимъ правительствомъ, то народъ, который сначала можетъ остаться равнодушнымъ къ перемѣнѣ, тотчасъ же перенесетъ всѣ свои упованія на новое правительство, какъ только замѣтитъ съ его стороны желаніе удовлетворять своимъ нуждамъ. Съ такимъ же самымъ сбожаніемъ будетъ относиться наша деревня къ освободительному земскому собору, какъ относилась и къ царю-освободителю въ радужное время 1861 года, и въ представленіи ея собирательная личность Земскаго Собора или временнаго правительства будетъ сливаться въ какое то странное индивидуальное цѣлое, вполнѣ способное замѣнить личность царя. Именно такая смѣна фазисовъ въ развитіи общегосударственной идеи замѣчается въ эпоху великой французской рево-

люціи. Также существовала въ дореволюціонной Франціи сильная идея царизма, также народъ возлагалъ фантастическія надежды на королевскую власть. Затѣмъ безобразія и гнетъ царствованій Людовиковъ XV и XVI расшаталиэту идею, а первыя событія революціи окончательно убили ее. Съ первыми же освободительными мѣрами Національнаго Собранія она снова возродилась въ видѣ безграничнаго уваженія къ этому собранію, причемъ во многихъ селахъ собраніе представлялось какою то единой личностью; послѣ ужасовъ и нестроеній революціоннаго времени общегосударственное идейное представительство сосредоточилось на могучей личности Наполеона, на которой оно почивало долгое время послѣ его паденія. Въ послѣдующее время, помимо олицетворенія этой идеи въ какомъ нибудь могучемъ властелинѣ, выступаетъ все яснѣе и чище ея основная форма, любовь и уваженіе къ отечеству, къ прекрасной Франціи, къ великому французскому народу.

Но кромѣ этой идейной точки опоры, едва ли не самая существенная опора нашего правительства, о которой мы впрочемъ уже упоминали, носитъ чисто отрицательный характеръ и состоитъ въ политическомъ безсиліи, неумѣлости и неорганизованности всѣхъ, такъ сказать, „штатскихъ“ элементовъ Россіи. Я уже сказалъ, что у нашихъ правящихъ классовъ нѣтъ никакой самостоятельной силы; остается прибавить, что у нихъ нѣтъ и никакой полуправительственной организаціи, которая осмѣлилась бы стать въ оппозицію къ правительству и парализовать этимъ его дѣйствія. Во Франціи въ дореволюціонный періодъ такую роль играли судебные парламенты. Парламенты представляли цѣлую армію (до 40.000) судейскихъ чиновниковъ, мѣста которыхъ большей частью были откуплены и переходили по наслѣдству, а стало быть владѣтели ихъ были независимы отъ административнаго произвола. Всѣ парламенты Франціи были хорошо организованы и соединялись между собой, какъ административными связями, такъ и сознаніемъ общности интересовъ. Пользуясь слабостью полурасшатаннаго правительства, парламенты захватили значительную долю законодательной прерогативы, а такъ какъ они хотѣли захватить еще больше и правительство конечно не хотѣло поступаться своими самодержавными правами, то началась ожесточенная борьба. Собственно говоря, судебные парламенты, кривосудіе которыхъ имѣло чудовищные размѣры, были ненавистны народу чуть ли даже не болѣе другихъ составныхъ частей стараго режима. Они пали подъ первыми же ударами революціи и ихъ члены во время революціи были самы-

ми фанатическими врагами ея. Когда они добивались участія въ законодательствѣ незадолго до революціи, то добивались этого собственно для своей, а не для народной пользы. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ имъ необходимо было имѣть на своей сторонѣ общественное мнѣніе, они пустили въ ходъ противъ правительства великія формулы *народнаго самодержавія. Борьба между парламентами и правительствомъ* послужила предвѣстникъ революціи, давъ либеральный толчокъ народному уму и поставивъ на очередь мысль о генеральныхъ штатахъ. Такъ судьба оставляетъ своихъ обреченныхъ жертвъ прежде, чѣмъ убить ихъ. У насъ ни одна изъ частныхъ организацій не въ состояніи сыграть такой роли. Всѣ части собственно правительственной организаціи: синодъ, сенатъ, гос. совѣтъ находятся въ полномъ подчиненіи у самодержавной власти, и хотя два послѣдніе составляютъ въ настоящее время оппозицію Толстовщинѣ и Катковщинѣ, но эта оппозиція по необходимости должна носить благородно-умѣренный, почти неуловимый оттѣнокъ. Организація *дворянства носитъ исключительно* смѣхотворный характеръ, а потому въ разсчетъ приниматься быть не можетъ. Остается всесословная организація — земство. Многія изъ земствъ дѣйствительно затронуты либеральными идеями. Благодаря довольно значительному проценту интеллигентной массы въ средѣ нашихъ культурныхъ слоевъ, благодаря обилію въ средѣ нашихъ земствъ людей съ независимымъ положеніемъ, благодаря въ иныхъ случаяхъ присутствію мужицкаго элемента, благодаря, наконецъ, слишкомъ рѣзко бросающимся въ глаза безобразіямъ нашего строя, оппозиціонный духъ сильно проникаетъ собой многія изъ нашихъ губернскихъ и особенно уѣздныхъ земскихъ собраній. Главная причина этой оппозиціи лежитъ все-таки въ приниженномъ положеніи самаго земства. Члены тѣхъ же самыхъ общественныхъ классовъ, которые въ цѣломъ цѣпляются за хвостъ самодержавія, попавъ въ земство, не могутъ, по чувству естественнаго человѣческаго достоинства, не возмущаться своимъ безправнымъ положеніемъ, созерцая, напримѣръ, какъ имъ *даютъ фельдфебеля* въ *Вольтеры* — дворянскаго предводителя въ предсѣдатели. Поэтому то оппозиціонный духъ нашего земства, какъ и слѣдовало ожидать, состоитъ преимущественно въ стремленіи къ расширенію своихъ собственныхъ правъ, къ освобожденію отъ административной опеки, къ образованію всероссійскаго земскаго собора,... *составленнаго изъ депутатовъ отъ земства.* Но и этотъ оппозиціонный духъ также отличается кротостью и разнуздывается только тогда, когда либеральныя вѣянія времени дозв-

воляютъ это. Впрочемъ и тогда земство нѣжно распѣваетъ извѣстную арію: «если хочешь, прикажи, а не хочешь, откажи». Нельзя обвинять его за это отсутствіе гражданскаго мужества. Ему еще нѣтъ и 20 лѣтъ отъ роду, оно представляетъ всецѣло созданіе правительства и ясно сознаетъ, что нѣтъ никакой трудности не только въ ограниченіи, но и въ полной отмѣнѣ его существованія. Кромѣ того, въ случаѣ сильной оппозиціи, у нашего правительства есть средства гораздо болѣе безцеремонныя, чѣмъ у французскаго дореволюціоннаго. Не надо также забывать, что между отдѣльными земствами нѣтъ общегосударственной связи, какъ между французскими парламентами, а это имѣетъ очень важное значеніе. Тѣмъ не менѣе мы были свидѣтелями не одного сравнительно смѣлаго поступка со стороны земствъ, видѣли бурныя собранія, на которыхъ произносились дерзновенныя рѣчи о конституціяхъ, затѣмъ ораторы уѣзжали на казенный счетъ колонизовать сѣверъ, и въ довершеніе ужасовъ земскія собранія избирали ихъ своими почетными членами.

Что касается народной массы, то она сама по себѣ остается полубеззащитной даже въ моменты своего наиболѣе бурнаго настроенія. Въ настоящее время, по крайней мѣрѣ въ сильныхъ государствахъ, возстанія народной массы, взрывы внезапные, никѣмъ неподготовленные, имѣютъ удачу только въ огромныхъ городахъ, гдѣ толпа имѣетъ всѣ преимущества уличной борьбы и гдѣ она можетъ направлять свои удары въ самое сердце правительства. У насъ нѣтъ большихъ городовъ и $^5/_6$ народа представляютъ сельчане, разбросанные кучками по огромной территоріи, территоріи ровной и открытой, на которой невозможно вести борьбу на подобіе испанскихъ герильясовъ. Сельскому населенію представляется мало возможности собраться въ значительныя массы, особенно въ централизованномъ государствѣ. Если Пугачевцы и могли собраться огромными толпами, то лишь благодаря дурнымъ дорогамъ и отсутствію значительныхъ войскъ въ этой части страны; но въ настоящее время правительство, имѣя въ рукахъ желѣзныя дороги, постоянно можетъ предупредить развитіе возстанія въ данной мѣстности, немедленно сосредоточивъ тамъ войска, и можетъ быть, уже не разъ за послѣдніе годы была такимъ образомъ потушена искра, готовая разгорѣться въ огромный пожаръ. Кромѣ того, масса народа, безоружная, дезорганизованная, неопытная, не въ состояніи бороться съ правильнымъ войскомъ, стройнымъ и дисциплинированнымъ, даже если она превышаетъ его числомъ. При по-

слѣднихъ еврейскихъ безпорядкахъ два-три залпа роты солдатъ раз оняли тысячныя толпы. Народное возстаніе можетъ у насъ имѣть успѣхъ только въ томъ случаѣ, если начнется одновременно со всѣхъ сторонъ, если ему будутъ помогать группы интеллигенціи во всѣхъ слояхъ общества и если и въ самое войско проникнетъ духъ недовольства, оппозиціи или по крайней мѣрѣ сомнѣнія въ своей правотѣ. Впрочемъ такое совпаденіе вполнѣ возможно, даже вѣроятно.

Но если бы даже вся Россія и представлялась совершенно беззащитною жертвою предъ самодержавнымъ деспотизмомъ, то за то онъ самъ прекрасно исполняетъ роль своего собственнаго врага. Его положеніе имѣетъ въ себѣ нѣчто роковое. Именно потому, что въ русскомъ народѣ нѣтъ никакихъ самостоятельныхъ силъ, могущихъ соперничать съ нимъ, онъ остается висѣть совершенно безъ всякой опоры въ воздухѣ въ состояніи равновѣсія, неустойчиваго почти до фантастичности. Деспотизмъ предоставленъ самому себѣ и это его губитъ. Всю непосредственно близкую къ нему атмосферу онъ обращаетъ въ разсадникъ рабовъ, а потому кромѣ рабовъ у него нѣтъ слугъ. Но рабы въ качествѣ приспѣшниковъ и самодуръ въ качествѣ главы могутъ только запутать всѣ государственныя дѣла. Своими безумными тратами и еще болѣе безумными заплатами, своей глупостью, которая дозволяетъ каждому проходимцу обирать ихъ, своимъ собственнымъ хищеніемъ они приводятъ финансы въ такое состояніе, что каждый дальнѣйшій шагъ на этомъ пути неминуемо ведетъ къ банкротству, они разстраиваютъ всѣ функціи государственной жизни, они отрѣзываютъ себя своей запосчивостью и дерзостью, своей глупостью и подлостью отъ всѣхъ здоровыхъ элементовъ страны, они одновременно оскорбляютъ всѣ задушевныя вѣрованія, всѣ больныя душевныя струны и лучшей части интеллигенціи, и лучшей части народа, они какъ бы нарочно разрушаютъ тѣ самыя мнимыя вѣрованія, на которыхъ держится весь ихъ строй. Даже добро, дѣлаемое ими, обращается имъ же во вредъ, ибо приправа, которою они сопровождаютъ его, во сто разъ горьше самаго худшаго зла. Въ концѣ концовъ, возбудивъ единодушную ненависть всего народа, они приходятъ на край пропасти. Тогда или страна сама ликвидируетъ ихъ, что для нея вполнѣ осуществимо, если даже она обладаетъ слабыми революціонными силами, или же они сами ликвидируютъ свои дѣла, въ ужасѣ видя невозможность идти дальше, и какъ обанкротившаяся торговая фирма, передаютъ для разбора свои запутанные счеты своему до-

вѣрителю—народу. Собственно говоря, каждое деспотическое правительство приходитъ по вышеуказанному пути къ кризису и крушенію; но русскій деспотизмъ, наиболѣе безпочвенный и наиболѣе безпримѣсный, зашелъ на этомъ пути неизмѣримо далѣе своихъ германскихъ и австрійскихъ братьевъ, а поэтому крушеніе его будетъ сопровождаться гораздо большимъ трескомъ. Въ томъ именно и состоитъ глубокая черта сходства между французскимъ революціоннымъ и русскимъ современнымъ строемъ, что оба они представляютъ чистокровные, взращенные вѣками, великолѣпные въ своемъ безобразіи, махровые цвѣты самодержавія. Всякому, кто хоть немного слѣдилъ за ходомъ событій въ послѣднее время, ясно, что русскій самодержавный строй пришелъ на край пропасти и что только одинъ шагъ отдѣляетъ его отъ ужаснаго паденія. Къ этому еще нужно прибавить международное положеніе Россіи, которое ставитъ ее въ враждебныя отношенія со всею Европой и можетъ привести деспотическій строй къ преждевременному крушенію путемъ внѣшняго пораженія, какъ это едва не случилось въ крымскую кампанію.

VI.

Но если правительство является главной и даже единственной политической силой Россіи, то базисомъ для всѣхъ его операцій является народная масса. Такъ какъ русскіе правящіе классы ничтожны и количественно, и качественно, такъ какъ они не имѣютъ ни прошедшаго, ни будущаго, то у насъ еще болѣе, чѣмъ въ западной Европѣ всѣ упованія на лучшую будущность должны быть возложены на народъ. Характеристика народа уже выяснена отчасти на предъидущихъ страницахъ и намъ здѣсь останется сдѣлать нѣсколько дополненій. Конечно нечего упоминать, что по даровитости и способности къ прогрессу русскій народъ стоитъ никакъ не ниже любого изъ европейскихъ народовъ. Это положеніе составляетъ аксіому. За то онъ отличается отъ европейскихъ народовъ многими любопытными особенностями. Прежде всего въ его средѣ замѣтна почти полная однородность. Это огромная масса земледѣльцевъ, среди которыхъ тонутъ немногочисленные полуземледѣльческіе мѣщане и полуоторванные отъ деревни фабричные рабочіе. Въ силу этой однородности, а также и другихъ бытовыхъ причинъ, которыя будутъ указаны ниже, въ народѣ нашемъ крѣпко сознаніе своего единства, сознаніе себя какъ чего-то, противоположнаго дру-

гимъ классамъ страны. Это сознаніе развивается одновременно по двумъ различнымъ направленіямъ: во первыхъ народъ сознаетъ и противуполагаетъ себя, какъ сѣрую сермяжную массу, объевропеившимся правящимъ классамъ. Такимъ образомъ на одной сторонѣ въ рядахъ «простаго народа» оказываются крестьяне и кулаки, мѣщане и купцы, фабричные рабочіе и ихъ хозяева, все то, что носитъ русскую одежду, плохо умѣетъ грамотѣ и соблюдаетъ посты. На другой сторонѣ находятся «господа»—дворяне, землевладѣльцы, чиновники и тотъ многочисленный, но неопредѣленный классъ, который можно назвать пролетаріатомъ умственнаго труда. Все это носитъ нѣмецкую одежду, учено разнымъ наукамъ и постовъ не соблюдаетъ. Мы видимъ, что эта рознь теперь носитъ чисто внѣшній характеръ и что по этому раздѣленію враги народа попали въ число «своихъ», а союзники въ число чужихъ; однако она имѣетъ глубокое историческое значеніе. Во времена очень недавнія, дѣйствительно, правящіе слои и господа были единственнымъ классомъ, который носилъ нѣмецкое платье, обучался наукамъ и т. д. Все то, что выходило изъ народныхъ рядовъ и получало образованіе, тѣмъ самымъ примыкало къ господамъ. Господа дѣйствительно сидѣли на шеѣ у всего остальнаго населенія. Не только помѣщикъ угнеталъ своихъ крестьянъ, но самый затасканный судейскій писецъ постоянно могъ надругаться надъ мужикомъ, надъ мѣщанином, даже надъ богатымъ Китъ Китычемъ и содрать съ него взятку безъ всякаго повода, просто въ видѣ выкупа за его непривиллегированное положеніе. Понятно, что въ народной душѣ должна была накопиться цѣлая гора негодованія и ненависти противъ господъ, благородныхъ, ученыхъ, тѣмъ болѣе, что образъ помѣщика, мѣнявшаго людей на собакъ, рѣшительно заслонилъ всѣ прочіе образы этой категоріи. Понятно также, что народъ могъ отличать лицъ этой категоріи главнымъ образомъ по признакамъ внѣшнимъ, будучи рѣшительно не въ состояніи понять духовную сторону ихъ жизни. Такъ называемая интеллигенція, по своимъ убѣжденіямъ совершенно демократическая, представляла для мужика явленіе очень мало понятное. Какъ въ самомъ дѣлѣ понять мужику, что баринъ, помѣщикъ подъ вліяніемъ либеральныхъ убѣжденій считаетъ себя обязаннымъ отдать ему, мужику, свою дворянскую землю. Мужикъ конечно очень хорошо понимаетъ, что значитъ «совѣсть заѣла», но дѣйствія взмущенной совѣсти для него имѣютъ совсѣмъ иныя формы. Совѣсть мучаетъ людей пожившихъ и погрѣшившихъ на своемъ вѣку, гроздѣ некрасовскаго «Вла-

са», и выражается, рядомъ съ мірскими подвигами, въ уваженіи къ религіи, въ литьѣ колоколовъ, подаяніи, молитвѣ и постѣ. Такимъ образомъ дѣйствія интеллигенціи, которая вначалѣ исключительно почти набиралась изъ дворянства, казались мужику странными и непрактичность ея еще болѣе наводила на мысль, что баринъ (впрочемъ добрый баринъ) просто «блажитъ», или еще лучше, «съ жиру бѣсится».

Такое непониманіе между интеллигенціей и народомъ, начавшееся еще въ концѣ пятидесятыхъ, даже сороковыхъ годовъ, съ первыхъ шаговъ интеллигенціи на практической почвѣ, сохранилось въ значительной степени и до сихъ поръ и недовѣріе народа къ культурнымъ людямъ у насъ все еще гораздо сильнѣе, чѣмъ на современномъ Западѣ. Однако надо признать, что въ послѣдній періодъ времени эта рознь во многихъ отношеніяхъ начинаетъ исчезать, ибо ея историческій и бытовой смыслъ разрушился на половину еще въ 1861 г. По одеждѣ теперь не узнаешь человѣка, франтоватый мужикъ часто носитъ нѣмецкую одежду, не говоря уже о мѣщанахъ и купцахъ. Образованіе также признакъ непадежный, ибо оно теперь все болѣе и болѣе распространяется въ ширь и въ глубь. Наконецъ главнымъ народнымъ врагомъ уже давно пересталъ быть „баринъ“, одѣтый въ нѣмецкое платье, а на его мѣсто сталъ кулакъ, не отличающійся въ бытовомъ отношеніи отъ мужика, и полицейскій чиновникъ, также сильно отбившійся въ сторону отъ «барина» и пріобрѣвшій особую оригинальную физіономію. Наконецъ на первый планъ въ рядахъ людей, одѣтыхъ въ нѣмецкое платье, все болѣе выдвигается интеллигенція, но набирающаяся не изъ дворянъ-помѣщиковъ, а изъ работниковъ умственнаго труда. И недовѣріе народа къ ней понемногу разсѣевается, ибо онъ съ ея стороны видитъ почтенный трудъ и даже подвигъ самоотверженія и слышитъ иногда горячую проповѣдь демократическихъ идей, достигающую и до его уха, несмотря на всѣ препятствія. Наконецъ съ ея стороны онъ видитъ менѣе неумѣлости, ибо она одушевлена горячимъ желаніемъ дѣлать настоящее дѣло; поэтому меньше мѣста остается для добродушно-презрительнаго отношенія, которымъ надѣлялъ народъ ея первыхъ піонеровъ. Тѣмъ не менѣе рознь эта привѣсила и приноситъ Россіи неисчислимый вредъ. Укажу, напримѣръ, на то, что до послѣдняго времени борьба партіи соціалистовъ-революціонеровъ съ правительствомъ, остается непонятной для народа, за немногими исключеніями, и 1 е Марта, напримѣръ, зачастую приписывается помѣщикамъ,

мстящимъ за уничтоженіе крѣпостнаго права «царю-освободителю». Во всякомъ случаѣ интеллигенція не должна смущаться этой рознью, какъ бы она ни была велика. Просвѣтительныя и демократическія идеи, носительницей которыхъ она является, обладаютъ волшебнымъ свойствомъ сглаживать такую рознь и достаточно будетъ одного періода избирательной борьбы, чтобы вполнѣ разсѣять ее и привести народъ къ признанію интеллигенціи своимъ естественнымъ вождемъ. Такъ во Франціи въ нѣсколько мѣсяцевъ избирательной агитаціи, предшествовавшей выборамъ 1789 г., разсѣялась, правда на время, вѣковая рознь между крестьянами и горожанами и мужики поручили написать свои «*cahiers*» городскимъ адвокатамъ, благодаря великимъ словамъ, бывшимъ на ихъ медоточивыхъ устахъ. А русскіе революціонеры во всякомъ случаѣ не уступаютъ этимъ буржуазнымъ апостоламъ въ отношеніи энергіи, силы убѣжденія и самоотверженности. Надѣюсь, что они доказали это всему міру. Разумѣется, для болѣе успѣшнаго и быстраго соглашенія съ народомъ, въ критическій моментъ, русская с.-р. партія не должна окончательно отрываться отъ деревенской почвы, какъ бы не выдвигали на первый планъ требованія настоящаго момента политическую борьбу путемъ террора.

Не надо думать, что непріязнь къ правящимъ классамъ, вытекающая изъ долгаго народнаго порабощенія, осложняется приниженностью, готовностью гнуться передъ всякимъ, кто носитъ сюртукъ или шапку съ кокардой. Русскій народъ не вынесъ изъ своей исторіи этого холопскаго свойства и въ этомъ отношеніи великоруссъ или малоруссъ выгодно отличается отъ бѣлорусскаго и польскаго мужика. Сознаніе собственнаго достоинства очень сильно, особенно у молодого поколѣнія, хотя необходимость часто гнетъ мужицкую спину передъ становымъ и кулакомъ; отчужденность отъ высшихъ классовъ выражается въ видѣ открытой вражды или чаще всего въ видѣ презрительно-насмѣшливаго отношенія къ неумѣлому и опшпанному исторіей «кургузому» барину.

Второе направленіе народнаго отрозненія имѣетъ совсѣмъ другой характеръ хотя и переплетается очень тѣсно съ первымъ. Основной принципъ его—трудъ. Народъ сознаетъ себя, какъ трудящуюся и никого не эксплуатирующую массу, и противополагаетъ себя такимъ образомъ всѣмъ тунеядцамъ, въ число которыхъ вносятся и господа, и купцы, и «свой братъ» кулакъ, однимъ словомъ всѣ, такъ или иначе, сидящіе на народной шеѣ. Такое сознаніе, которое у рабочихъ массъ Запада развилось и укрѣпилось только

въ послѣднее пятидесятилѣтіе, въ связи съ распространеніемъ соціалистическихъ идей, у насъ является съ давнихъ поръ присущимъ народу, такъ какъ вообще трудовое начало искони проникаетъ собой всѣ экономическія понятія народа. Именно на немъ, а также и на общинномъ духѣ, прямо вытекающемъ изъ него, покоятся всѣ вожделѣнія народа относительно чернаго передѣла и новыхъ аграрныхъ реформъ. Это гордое сознаніе, если только оно сохранится до соціальной революціи, можетъ послужить само по себѣ прочнымъ базисомъ для полнаго преобразованія всего соціальнаго строя Россіи, ибо оно въ сущности составляетъ основаніе завѣтныхъ идеаловъ интеллигенціи, основаніе демократіи и соціализма.

Выше мы указывали, что благодаря развитію трудоваго и общиннаго начала, благодаря экономической однородности между крестьянами, русскій народъ можно считать достаточно знакомымъ съ тѣмъ строемъ демократическихъ реформъ, который предстоитъ произвести революціи, и что на этой почвѣ соглашеніе между интеллигенціей и народомъ должно произойти полное и быстрое, даже, можетъ быть, несмотря на отсутствіе всякой подготовительной работы. Нашъ народъ гораздо болѣе готовъ къ воспріятію экономическихъ реформъ въ демократическомъ духѣ, предстоящихъ ему, чѣмъ сложная по составу западноевропейская рабочая масса. Совершенно иное мы встрѣчаемъ въ политическихъ понятіяхъ народа. Собственно говоря, у нашего народа нѣтъ вовсе ни политическихъ взглядовъ, ни политической умѣлости, кромѣ нѣсколькихъ дикихъ суевѣрій, вродѣ идеи царизма. Русская народная масса и не только масса, но и высшіе классы вовсе не жили политически еще со временъ уничтоженія вѣчеваго строя. И въ этомъ отношеніи мы стоимъ гораздо ниже всѣхъ европейскихъ государствъ. Народонаселеніе всѣхъ европейскихъ государствъ такъ или иначе участвовало въ политической жизни своего отечества. Неговоря уже о Франціи и Англіи, даже въ самыхъ грубыхъ, самыхъ невѣжественныхъ государствахъ, которыя въ бытовомъ отношеніи нисколько не выше Россіи, напримѣръ, въ Испаніи, за послѣднее пятидесятилѣтіе произошло много важныхъ политическихъ перемѣнъ, въ которыхъ волей неволей долженъ былъ участвовать и народъ. Измѣненія династій, междуусобныя войны, нашествіе завоевателей и долгая національная война, возстанія въ пользу конституціи или республики, вотъ что пережила Испанія за сравнительно короткій періодъ времени. Всѣ эти перемѣны, несмотря на свое пагубное

вліяніе на всю жизнь страны, имѣли ту хорошую сторону, что пріучали населеніе жить политически, критически оцѣнивать ту или другую общественную силу, ведущую борьбу за господство, и давали ему прецедентъ для низверженія настоящаго политическаго порядка, если онъ ему переставалъ казаться удобнымъ. Какъ извѣстно, для разрушенія слѣпаго довѣрія къ правительству важенъ только первый шагъ. Даже Греція, даже Румынія, всѣмъ ходомъ своей жизни принуждаютъ народную массу, если не лично участвовать, то хоть глазѣть на политическую борьбу. У насъ мы видимъ совсѣмъ иное. Весь складъ нашей жизни, уже въ теченіи 300 лѣтъ, таковъ, что онъ отклоняетъ каждаго обывателя отъ всякаго участья въ политикѣ и прямымъ, и косвеннымъ путемъ. «Не твое дѣло!» сказалъ деспотическій произволъ и народъ, которому и безъ того приходилось заботиться о насущномъ хлѣбѣ и о своевременной уплатѣ недоимокъ, народъ, жизненная борьба котораго представляетъ особенныя трудности, повиновался и оставилъ политику въ сторонѣ. Такъ называемыя политическія движенія русскаго народа носятъ въ сущности вовсе не политическій характеръ, а экономическій-аграрный; если же въ нихъ и есть какой нибудь политическій элементъ, то онъ сплошь и рядомъ пропитанъ самыми дикими бреднями фантастическаго свойства, преимущественно тѣмъ же самымъ царизмомъ. Народъ играетъ у насъ въ этомъ отношеніи чисто пассивную роль. У насъ не было тѣхъ одновременныхъ потрясеній страны, когда массы встаютъ безъ почина и предводительства, повинуясь внезапно прорвавшемуся порыву накопившагося недовольства. Наши народныя массы даже въ моменты наиболѣе сильнаго возбужденія нуждались, въ большинствѣ случаевъ, чтобы явился авантюристъ и поставилъ на своемъ знамени ту же авторитетную идею царизма; тогда народъ собирается подъ это знамя толпами, согласуя назрѣвшія въ немъ требованія съ уваженіемъ къ традиціямъ чувства. Такъ было при всѣхъ самозванцахъ, при всѣхъ народныхъ волненіяхъ крупныхъ размѣровъ, отъ Пугачева и Богомолова до Лжеконстантиновъ Николаевской эпохи. Мало того, мы видимъ, что Лжедимитріи, даже не выставляя собственно никакой приманки для народа и опираясь только на свои мнимозаконныя права наслѣдованія, успѣваютъ глубоко возмутить Русскую землю, причемъ увлекаютъ за собой не только массу крестьянства, а горожанъ, служилыхъ людей и даже бояръ, въ особенности, первый «настоящій» лже-Димитрій. Конечно не всегда русскій народъ шелъ только за знаменемъ самозванца, были личности

могучія, вродѣ Стеньки, которыя сами по себѣ составляли неотразимое знамя воли и вольницы, были случаи возстаній и безъ знамени и вожака, какъ мы видимъ на кратковременныхъ городскихъ бунтахъ временъ, хотя бы Алексѣя; далѣе, современное поколѣніе деревни конечно имѣетъ огромное преимущество въ отношеніи умственнаго развитія надъ поколѣніями XVIII вѣка. Лучшая часть народа можетъ справляться съ политическими и соціальными вопросами, опираясь не на слѣпой авторитетъ самозванца, а на свой собственный разумъ, какъ показываютъ это сектантскія движенія, возникшія всѣ въ послѣднее пятидесятилѣтіе главнымъ образомъ въ совсѣмъ недавніе годы. Весьма возможно, что когда придетъ настоящій моментъ для народнаго возстанія, народъ окажется въ состояніи собственными силами выработать для своихъ экономическихъ требованій иную политическую формулировку и идеалъ, чѣмъ самозванство, хотя бы, напримѣръ, опираясь на евангеліе, подобно гусситамъ и анабаптистамъ. Но съ другой стороны ничѣмъ нельзя поручиться, что народъ, предоставленный въ моментъ революціи исключительно самому себѣ, не выработаетъ себѣ именно новаго самозванца, если только найдется личность, по своимъ качествамъ способная занимать это мѣсто. Отсюда уже выясняется для насъ огромная роль соціально-революціонной интеллигенціи во время революціи. Эта интеллигенція, обладающая рѣзкимъ и опредѣленнымъ сводомъ магическихъ идей, и только она одна можетъ самоувѣренно выступить на политическую арену. И тотчасъ же передъ волшебною силою этихъ идей, какъ дымъ, разсѣются всѣ противоестественныя покушенія царизма и народъ немедленно признаетъ ее своимъ вождемъ и главой. Для того, чтобы достигнуть этихъ результатовъ, соціально-революціонной интеллигенціи не нужно ни продолжительнаго времени, ни многочисленнаго состава членовъ. Ей нужны только самоотверженіе и рѣшимость, умѣнье попасть въ тонъ народнымъ желаніямъ, строго опредѣленная и всѣмъ ясная программа, и наконецъ единство, согласованіе и организованность самой борьбы за народное руководительство съ толпами хищниковъ, которые сбѣгутся со всѣхъ сторонъ и будутъ добиваться той же чести, но уже съ цѣлью поживиться на счетъ народа, своего довѣрителя, суверена, жертвы. Было бы слишкомъ наивно думать, что въ рѣшительную минуту соціально-революціонная интеллигенція не будетъ имѣть этихъ необходимыхъ свойствъ.

VII.

Выше мы уже дали опредѣленіе интеллигенціи, какъ группы разнородныхъ личностей, проникнутыхъ какой нибудь идеей и посвящающихъ на служеніе ей хоть часть своей жизни. Отсюда слѣдуетъ, что однимъ изъ главныхъ свойствъ интеллигенціи является усиленная работа мысли, работа оригинальная, не подчиняющаяся обыкновенной житейской рутинѣ. Но заниматься развитіемъ своей мысли и вообще умственнымъ трудомъ могутъ только люди, обезпеченные матеріально. Умственный трудъ, болѣе чѣмъ всякій другой, требуетъ долгой подготовки, требуетъ приведенія человѣческой мыслительной способности на надлежащую степень гибкости и силы. Уже для этого нужно значительное время, но кромѣ этого требуется еще уничтоженіе и ломка всего рутиннаго строя понятій и пріобрѣтеніе множества самыхъ разнообразныхъ научныхъ знаній, отъ ариѳметики до политической экономіи. И только человѣкъ, прошедшій такую школу, вполнѣ заслуживаетъ быть причисленнымъ къ интеллигенціи. Школа эта можетъ быть сокращена и качественно и количественно, а для людей особенно способныхъ она укладывается въ сравнительно малый промежутокъ времени, но во всякомъ случаѣ несомнѣненъ тотъ фактъ, что для того, чтобы стать на уровнѣ умственнаго развитія, необходимаго для настоящей интеллигенціи, нужно очень значительный періодъ времени, начиная съ ранняго дѣтства, посвятить исключительно занятію умственнымъ трудомъ, а стало быть имѣть готовыя средства для матеріальнаго существованія и для платы за дорогое обученіе. И такъ очевидно, что интеллигенція почти исключительно выдѣляется изъ правящихъ, обезпеченныхъ классовъ. Конечно и народъ можетъ самостоятельно выдѣлять свою своеобразную интеллигенцію. И самый загнанный батракъ имѣетъ нѣкоторый запасъ умственнаго развитія и убѣжденій. Во время народныхъ волненій, народъ постоянно способенъ вырабатывать формулировку своихъ требованій въ болѣе или менѣе опредѣленной формѣ. Подъ вліяніемъ возбужденія за эту формулировку берутся лучшіе люди изъ народной массы, даровитыя, впечатлительныя, сильныя, честныя натуры, на долю которыхъ выпадаетъ не только духовное, но и физическое предводительство. Но личности эти, несмотря на даровитость свою, не могутъ ни правильно поставить, ни привести въ опредѣленную систему свои партіозныя убѣжденія, а тѣмъ болѣе соображать свои поступки съ требованіями эпохи и случайностей борьбы. И вслѣд-

ствіе этого происходила масса зла. Когда трибунамъ, выдѣлившимся изъ народа, приходилось идеально создавать будущій строй своихъ преобразованій и у нихъ не хватало для этого умѣнья и знаній, они прибѣгали къ старому запасу своихъ рутинныхъ убѣжденій, къ религіи. Это было тѣмъ удобнѣе, что евангеліе, напр., помимо суевѣрно-мистическаго характера, которымъ оно, конечно, пропитано насквозь, отличается еще и глубоко гуманнымъ и прогрессивнымъ направленіемъ и народные трибуны дѣйствительно могли почерпать тамъ многое.

И такимъ то образомъ создается странная и нестройная система, смѣшанная изъ полувыработанныхъ новыхъ прогрессивныхъ идей, обрывковъ, заимствованныхъ изъ религіи, которая къ тому же служитъ основой для всего ученія, и даже изъ различныхъ мистическихъ и символическихъ обрядовъ. Если общія идеи отличаются такой нестройностью, то мѣры для ихъ практическаго осуществленія отличаются гораздо большими несообразностями *), ибо выработать правильный взглядъ на нихъ еще труднѣе. Такимъ образомъ, даже въ случаѣ побѣды, новыя идеи осуждены на крушеніе, особенно если принять во вниманіе, что мистическій и обрядовой элементъ у невѣжественной народной толпы имѣетъ свойство вытѣснять съ теченіемъ времени все остальное, такъ что мало по малу вмѣсто сущности остается одна пустая оболочка. Это обстоятельство было одною изъ причинъ того, что остались безплодными такія народныя движенія, какъ христіанство, гуситство анабаптизмъ, движенія, глубоко прогрессивныя, но не имѣвшія почти соприкосновенія съ образованными классами и выдѣлявшія свою особенную интеллигенцію изъ рыбарей и плотниковъ. Интеллигенція, выдѣлившаяся изъ народа должна занимать въ революціонномъ движеніи роль подчиненную. Хотя по энергіи и преданности, по готовности на всякое самое отчаянное предпріятіе, она нисколько не уступаетъ интеллигенціи, выдѣлившейся изъ высшихъ слоевъ общества, но въ дѣлѣ идейномъ, особенно въ оригинальной разработкѣ новыхъ идеаловъ и въ выясненіи партійной программы, первенствующее, направляющее положеніе ей не можетъ принадлежать и только подъ вліяніемъ интеллигенціи высшей она можетъ заниматься идейными работами, не сбиваясь съ настоящаго пути. Сю-

*) Обыкновенно преобразователи этого рода не бьютъ въ корень вещей, не стремятся къ преобразованію условій общественнаго строя и среды, а ставятъ себѣ цѣлью нравственное преобразованіе человѣческой личности.

да надобно прибавить нѣсколько ограниченій. Вопервыхъ, если даже все идетъ надлежащимъ порядкомъ и прогрессивная партія дѣйствительно состоитъ изъ лучшихъ людей и изъ народа, и изъ правящихъ классовъ, то это вовсе еще не составляетъ ручательства за вѣрность ея идей и за практическую осуществимость ея программы. *Вѣдь и западная интеллигенція въ своемъ развитіи повинуется* историческимъ законамъ, воспринимаетъ всѣ знанія и заблужденія своего вѣка и конечно не можетъ стать выше его. Во вторыхъ, въ европейскихъ государствахъ все болѣе и болѣе распространяется образованіе въ средѣ рабочихъ классовъ, такъ что въ недалекомъ будущемъ они приближатся по образованію къ правящимъ классамъ. Тогда изъ рабочихъ рядовъ будутъ выдѣляться не только бойцы на баррикадахъ, но и вожди интеллигенціи, Марксы, Луи-Бланы, Лассали.

Итакъ, наиболѣе вліятельная часть интеллигенціи выдѣляется изъ правящихъ классовъ. При этомъ она можетъ принять три различныя *направленія. Вопервыхъ*, она можетъ остаться на той же почвѣ, на которой родилась и защищать интересы того сословія, къ которому принадлежитъ по рожденію. Такое положеніе обезпечитъ побѣду высшимъ классамъ въ соціальной борьбѣ, а интеллигенціи предоставитъ главенство, лучшія мѣста и лучшіе куски на общественномъ *пиру; загнанный и невѣжественный народъ, долженъ будетъ* покориться безъ ропота и выносить на своихъ плечахъ все величественное зданіе общественнаго строя. Такъ было въ древнемъ мірѣ отъ Египта до Рима, такъ было и въ средніе вѣка. Даже и въ настоящее время мы имѣемъ могущественную часть интеллигенціи, которая должна быть названа сословною, ибо подъ прикрытіемъ громкихъ словъ защищаетъ интересы правящихъ классовъ, главнымъ образомъ буржуазіи. Спенсеръ и Бастіа, Бентамъ и нѣмецкій профессоръ Рошеръ, Тьеръ и какой нибудь Вальтеръ Кнобельсдорфъ, все это проповѣдники и защитники буржуазіи противъ надвигающихся демократическихъ и соціалистическихъ идей. *Однако прогрессъ по* самому существу своему опережаетъ эту сословную интеллигенцію и выдвигаетъ идеи, имѣющія все болѣе широкій демократическій характеръ. Поэтому въ рядахъ сословной интеллигенціи остается почти исключительно одно бездарное и себялюбивое ничтожество, а лучшіе люди, могущіе отрѣшиться отъ своихъ *личныхъ и классовыхъ симпатій*, идутъ впередъ за *новыми путеводными* идеями. Такимъ образомъ получается то явленіе, что въ общественной борьбѣ все лучшее, талантливое и честное, пос...тряп-

но оказывается на крайней лѣвой сторонѣ. Но и при этомъ могутъ развиться два отдѣльныя направленія. Интеллигенція можетъ увлечься прогрессивными идеями въ ихъ общей, отвлеченной отъ живой жизни, формѣ. Она можетъ проповѣдывать свободу, равенство и братство, но формулировать ихъ такъ, что въ сущности не видно, на чьей сторонѣ станетъ она въ великой борьбѣ между правящими классами и народомъ, или лучше сказать, она станетъ на своей собственной сторонѣ, на сторонѣ чистыхъ идей и при случаѣ готова будетъ провозгласить—*fiat justitia*—т. е. отвлеченныя идеи и *pereat mundus* и съ правящими классами, и съ народомъ. Такія партіи отвлеченной интеллигенціи являются обыкновенно въ началѣ огромной общественной борьбы, когда интеллигенція дѣлаетъ свои первыя шаги и когда смыслъ общественной борьбы лежитъ еще впереди, въ туманѣ. Въ такіе періоды онѣ обладаютъ важнымъ преимуществомъ, ибо подъ своимъ туманнымъ знаменемъ могутъ соединять всѣ недовольные элементы, которыхъ дороги въ будущемъ пойдутъ по противоположнымъ направленіямъ. Каждой партіи нужно написать на знамени великія слова, а именно здѣсь, въ кругу отвлеченныхъ идей — есть изобиліе великихъ, но туманныхъ образовъ и словъ. Поэтому то въ эпоху французской революціи усиливаются группы интеллигенціи, преимущественно отвлеченнаго характера. Подъ ихъ знаменами проповѣдываютъ и борятся и люди, въ сущности склонные стать сословно-буржуазными бойцами, и личности, по чувствамъ и нравственному складу вполнѣ демократическія, и наконецъ, собственно приверженцы чистыхъ отвлеченныхъ идей, которые въ лицѣ крайнихъ монтаньяровъ пріобрѣтаютъ перевѣсъ, представляя кульминаціонную точку революціи. Однако продолжительная общественная борьба открываетъ всѣмъ глаза. Она рѣзко, ребромъ ставитъ всѣ общественныя отношенія и превращаетъ во враговъ вчерашнихъ союзниковъ. Представители сословной интеллигенціи освобождаются отъ оболочки прогрессивныхъ идей и если сохраняютъ ее, то только въ качествѣ маски; другіе же рѣшительно становятся на сторону народа и ихъ отвлеченно-прогрессивныя идеи все рѣзче и рѣзче окрашиваются истинно-демократическимъ жизненнымъ цвѣтомъ. Прогрессъ, а стало быть жизнь и надежда на будущее, остается конечно на ихъ сторонѣ. Соединеніе теоріи съ практикой, согласованіе отвлеченно-прогрессивной идеи съ реальными условіями общественной жизни придаетъ этой партіи чрезвычайную силу. Такимъ образомъ французскій политическій радикализмъ 1793 г. превращается мало по-

мяду въ цѣлую теорію революціи, охватывающую и экономику, и политику, и область духовныхъ отношеній, теорію, создающую себѣ партіи многочисленныхъ и ревностныхъ приверженцевъ по всему цивилизованному міру. Таково въ общихъ чертахъ раздѣленіе и развитіе западно-европейской интеллигенціи тремя одно за другимъ появляющимися наслоеніями. Теперь перейдемъ къ исторіи развитія русской интеллигенціи.

Въ Московскій періодъ у насъ, конечно, не было никакой интеллигенціи, такъ какъ не было ни знаній, ни умственнаго развитія. Народныя движенія выдѣляли своеобразную интеллигенцію, стоявшую на религіозно общественной почвѣ, вродѣ лучшихъ еретическихъ и раскольничьихъ учителей, но это была именно та народная интеллигенція, которая заводитъ въ дебри каждое народное движеніе. Даже Петръ Великій, толкнувшій Россію на путь европейской цивилизаціи, вовсе не создалъ интеллигенціи. Русь училась по неволѣ. Люди, которые раздѣляли съ Петромъ его любовь къ европейской цивилизаціи и были его сподвижниками, не заслуживаютъ однако названія интеллигенціи. У нихъ на первомъ планѣ стояла служба государству и даже своя личная выгода, а не служеніе идеѣ. Они читали учебники, а не книги, изучали „навигацкую“ науку, а не науку о преобразованіи общества; всѣ эти Кантемиры, Прокоповичи, Татищевы и пр. *quasi* — писатели той эпохи, въ служебной своей дѣятельности были такіе же интриганы и взяточники, какъ и другіе вельможи того времени, а литературой занимались или отъ нечего дѣлать, или же опять таки съ чисто практическими цѣлями, какъ Прокоповичъ. Единственнымъ человѣкомъ, заслуживающимъ быть причисленнымъ къ рядамъ интеллигенціи между людьми, сочувствовавшими Петру, является русскій самородокъ Посошковъ. Только черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ Петра мысль и наука въ Россіи хоть отчасти утратили свой казенный характеръ и пустили слабые, но самостоятельные корни въ общественной средѣ. Тогда то и являются первые дѣятели интеллигенціи въ лицѣ Радищева и Новикова съ братіей.

Съ первыхъ же минутъ существованія нашей интеллигенціи обнаруживаются характеристическія свойства, которыми она обладаетъ во все время своего дальнѣйшаго существованія. Такъ какъ сколько нибудь сильныхъ правящихъ классовъ у насъ нѣтъ, а то, что есть, способно по своему внутреннему содержанію внушать отвращеніе, то по этому самому существованіе сословной интеллигенціи является у насъ невозможностью. Только одинъ разъ во время дви-

женія декабристовъ, когда вся воинствующая интеллигенція, съ одной стороны набиралась изъ знатнѣйшаго дворянства, а съ другой была совершенно отрѣзана отъ народной массы, стали появляться идеи сословныя, идеи о преобразованномъ дворянствѣ, преобладающемъ по англійскому образцу, о верхней палатѣ, о парламентѣ съ высокимъ цензомъ и т. п. Впрочемъ эти идеи были достояніемъ болѣе умѣренной и нерѣшительной партіи, а крайняя рѣшительная и энергическая партія, которая давала тонъ всему движенію и во главѣ которой стоялъ Пестель, имѣла болѣе демократическій характеръ и, рядомъ съ конституціей, выставляла освобожденіе крестьянъ въ числѣ насущно-необходимыхъ мѣропріятій. Будучи совершенно свободной отъ сословнаго отпечатка, наша интеллигенція должна или оставаться на почвѣ отвлеченно-прогрессивныхъ идей или же дѣлаться демократически-народнической*). И то, и другое встрѣчаемъ мы въ ея исторіи. Во времена преобладанія крѣпостнаго права, когда интеллигенція волей-неволей являлась совершенно отрѣзанной отъ народа, она конечно не могла стать на народную почву и по необходимости должна была оставаться въ кругу отвлеченныхъ идей; народническія идеи встрѣчались тогда только въ видѣ подмѣси и энергично проявлялись лишь у исключительныхъ личностей отъ Радищева до Бѣлинскаго (въ послѣдній періодъ его жизни). Такое безпочвенное положеніе, совершенно несвойственное практическому складу русскаго ума и характера, очень тяготило нашу интеллигенцію и выражалось ноющимъ, терзающимъ самоизнрызеніемъ въ чувствахъ и рѣчахъ лучшихъ ея представителей; оно приводило ихъ къ мистицизму и самоубійству, оно создало «лишняго человѣка» 40 годовъ. Поэтому чуть только условія общественнаго строя позволили нашей интеллигенціи выйти изъ своего пассивнаго положенія и придти въ соприкосновеніе съ жизнью она немедленно стала на народническую почву и пошла впередъ по этому пути, постепенно освобождаясь отъ оттѣнка отвлеченности, замѣтнаго въ первый періодъ ея существованія. Наша интеллигенція идетъ на ряду съ лучшей частью западно-европейской интеллигенціи по пути научнаго, строго проведеннаго народничества, руководствуясь послѣднимъ словомъ выработанной на Западѣ общественной науки. Она едва ли даже не превосходитъ западно-

*) Слову „народничество" я придаю здѣсь его первоначальный смыслъ демократическаго направленія вообще и пока оставляю въ сторонѣ болѣе спеціальный оттѣнокъ значенія, который пріобрѣло это слово въ русской революціонной номенклатурѣ.

европейскую по безкорыстности служенія идеѣ, по радикализму убѣжденій и полному отсутствію всякихъ историческихъ, религіозныхъ и др. предразсудковъ, которое вообще поражаетъ иностранцевъ въ русскихъ образованныхъ людяхъ, даже далеко не радикальнаго направленія.

Кромѣ рѣзкаго народническаго характера, основнымъ свойствомъ нашей интеллигенціи является недовѣріе и ненависть къ правительству. Съ первыхъ же шаговъ своихъ она становится въ оппозиціонное положеніе и правительство отвѣчаетъ ей взаимнымъ недовѣріемъ даже въ самомъ разгарѣ либеральныхъ увлеченій молодаго монарха. Это явленіе, параллельное такому же явленію во французской дореволюціонной эпохѣ, конечно вполнѣ объясняется свойствами нашего деспотизма. Романовы, какъ и Бурбоны, обречены приносить Россіи вредъ всегда и во всемъ и внушать ненависть даже своими благими порывами.

Начиная со временъ Радищева, развитіе нашей интеллигенціи шло скачками, соотвѣтственно тому, на сколько правительство подтягивало или отпускало бразды правленія. Радищевъ во время Екатерины собственно вовсе не имѣлъ послѣдователей, ибо русскіе петиметры-вольтерьянцы, либеральничавшіе вмѣстѣ съ Екатериной, въ сущности были на столько же проникнуты новыми идеями, какъ и она сама. Мистическое направленіе Новиковскаго кружка имѣло больше корней въ обществѣ, но было уничтожено и погибло въ Шлиссельбургской крѣпости. Безумныя жестокости Павла, пробудившія революціонныя стремленія даже въ самыхъ отпѣтыхъ консерваторахъ, либеральныя затѣи Александра I, частыя столкновенія съ иностранцами, особенно съ вдохновенной Франціей, нѣсколько походовъ заграницу и четырехлѣтнее пребываніе большой арміи на Западѣ снова раздули почти совсѣмъ потухшее пламя человѣческой мысли. На этотъ разъ либеральныя идеи имѣли довольно широкое распространеніе среди молодого поколѣнія нашего знатнаго дворянства, главнымъ образомъ среди военныхъ. Новое движеніе, раздраженное двуличной политикой Александра, быстро вышло изъ пассивнаго состоянія и перешло на революціонный путь. Преждевременное измѣненіе политическихъ событій захватило въ расплохъ вождей молодой, еще не успѣвшей окрѣпнуть, революціонной партіи и принудило ее принять неравный бой съ энергическимъ фельдфебелемъ Николаемъ и погибнуть въ этомъ бою. Но взявшая ея вліяніе въ обществѣ и арміи, принимая во вниманіе слабость и безпочвенность русскаго деспотизма, можно съ увѣрен-

ностью сказать, что движеніе декабристовъ могло окончиться иначе при другихъ обстоятельствахъ. Что произошло бы въ случаѣ его успѣха, конечно неизвѣстно. Можетъ быть Россія пошла бы по пути солдатскихъ *pronunciamento*, какъ Испанія, а можетъ быть она бы восприняла западныя начала конституціонной свободы и видѣла бы освобожденіе крестьянъ на 40 лѣтъ раньше. Пораженіе декабристовъ имѣло роковое значеніе для русской интеллигенціи. Цѣлое поколѣніе лучшихъ людей было вырвано и погибло въ степяхъ и снѣгахъ Сибири. Общество впало въ оцѣпенѣніе и когда оправившаяся кое-какъ отъ погрома интеллигенція снова проявила свое существованіе, то подъ желѣзною рукой Николая она конечно не могла и думать о какихъ нибудь практическихъ предпріятіяхъ, а ограничивалась разработкой отвлеченныхъ принциповъ истины, добра и красоты, и то въ предѣлахъ цензуры и въ терминахъ «рабьяго языка». Это была интеллигенція, такъ сказать, «между строкъ», едва терпимая и осужденная на бездѣйствіе. Понятно, что уровень ея былъ гораздо ниже, чѣмъ до 25-го года въ общественномъ и политическомъ отношеніи, хотя и гораздо выше въ отношеніи литературно-критическомъ. Только Бѣлинскій въ послѣдніе годы своей жизни сталъ на высоту идей прежняго поколѣнія и пошелъ дальше, но онъ не былъ понимаемъ, какъ слѣдуетъ, большинствомъ своихъ учениковъ, для которыхъ великій художественный критикъ заслонялъ еще болѣе великаго политическаго публициста. Отмѣтимъ еще тотъ любопытный фактъ, что послѣ пораженія декабристовъ уровень положенія интеллигенціи въ общественной лѣстницѣ понизился на одну ступень; она стала выдѣляться теперь уже не изъ высшей аристократіи, а изъ средняго и бѣднаго дворянства; тамъ и симъ начала даже проскальзывать фигура разночинца, прежде вовсе не замѣтная въ ея рядахъ.

Крымская война и послѣдовавшіе за ней либеральные годы составляютъ начало новой жизни для нашей интеллигенціи. Почувствовавъ, что путы, связывавшія ее, ослабли, она, послѣ нѣсколькихъ нерѣшительныхъ шаговъ, быстро пошла впередъ. Увлеченіе было такъ сильно, что прогрессивныя идеи захватили не только собственно интеллигенцію—лучшихъ людей, но и все образованное общество вообще, такъ что образовалось либеральное общественное мнѣніе, не смотря на свою слабость, толкнувшее впередъ по пути реформъ пашее растерянное и испуганное правительство. Впрочемъ, какъ только правительство покончило наконецъ съ либеральными вѣяніями и вернулось на путь реакціи, давно ему близкій и

знакомый, охладѣли и восторги нашего общества. Съ тѣхъ поръ оно оставалось въ одномъ и томъ же положеніи. Всѣ идеи, вырабатываемыя интеллигенціей, задѣвали своей наиболѣе скромной стороной, не особенно пахнувшей горючими веществами, и души образованнаго общества, оставляя на нихъ либеральный пушокъ, и только... *Либерализмъ въ этихъ слабыхъ душахъ оставался постоянно на почвѣ словоизверженій и никогда не переходилъ въ какое-нибудь реальное проявленіе.* Этимъ онъ сильно отличается отъ либерализма западно-европейскаго. Послѣдній опирается на буржуазію, т. е. на могущественное сословіе, составляетъ наиболѣе могучую общественную силу, блещетъ или, по крайней мѣрѣ, блисталъ талантами и почти повсюду добился главенствующаго положенія въ обществѣ. Нашъ либерализмъ мертворожденъ по своему существу. Онъ не можетъ опираться ни на одинъ изъ правящихъ классовъ, ибо они по своимъ интересамъ составляютъ приверженцевъ деспотизма, онъ не можетъ опираться и на народную массу, будучи для этого слишкомъ труслив и апатиченъ, и уступаетъ эту надежную опору радикальной народнической интеллигенціи, слѣдовательно является совершенно безпочвеннымъ. Составъ его адептовъ также сброденъ и разнороденъ, какъ и составъ нашей интеллигенціи, для которой, впрочемъ, разнородность вполнѣ полезна, даже необходима. Небольшое меньшинство промышленниковъ и купцовъ, затронутыхъ образованіемъ, люди свободныхъ профессій, фрондирующіе чиновники, люди съ независимымъ состояніемъ, значительный процентъ полураззоренныхъ помѣщиковъ (которые однако сами не знаютъ, чего имъ хочется: «конституціи, севрюжины съ хрѣномъ или попросту кого нибудь ободрать») — вотъ наши либералы. Это стая духовныхъ инвалидовъ, людей сѣрыхъ и безцвѣтныхъ, которымъ отсутствіе энергіи и оригинальности мысли помѣшали пойти дальше въ своемъ развитіи и пристать къ рядамъ воинствующей демократической интеллигенціи. Разумѣется, русской соціально-революціонной партіи не придется въ моментъ революціи *вести борьбу за преобладаніе съ этими «безсильными командами».*

Но перейдемъ снова къ интеллигенціи. Въ 60-хъ годахъ въ ея рядахъ обнаружились два теченія: Одно, имѣвшее въ литературѣ своимъ представителемъ «Русское Слово» Писарева и Зайцева, все еще оставалось на отвлеченно-прогрессивной почвѣ и хотя дошло до крайняго радикализма въ сферѣ религіи и естественныхъ наукъ, но въ области общественной не имѣло прочно установившихся

убѣжденій; другое, связанное съ именами Добролюбова и Чернышевскаго, съ самаго начала выдвинуло впередъ общественные вопросы и заявило себя рѣшительнымъ народничествомъ, страстнымъ и въ то же время основаннымъ на выводахъ безпристрастной науки. Именно оно, собственно говоря, переняло традицію русской мысли изъ устъ умирающаго Бѣлинскаго. Но эти два теченія не произвели двухъ фракцій интеллигенціи. Скорѣе можно сказать, что въ лучшихъ людяхъ, искаженнымъ представителемъ которыхъ является Базаровъ, преобладали Писаревскія идеи, а идеи «Современника» входили только въ качествѣ подмѣси, довольно сильной, но не занимавшей центральнаго положенія. Рядомъ съ этимъ мы замѣчаемъ у интеллигенціи проявленія революціоннаго духа, конечно, слабыя, но тѣмъ не менѣе приведшія къ основанію тайнаго общества и къ выстрѣлу Каракозова, когда правительство обнаружило рѣшительное стремленіе къ реакціи. Послѣ этого реакція значительно усилилась, но, не имѣя достаточной послѣдовательности и глубины, она не помѣшала дальнѣйшему развитію интеллигенціи. Въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ, оба направленія интеллигентной мысли сливаются, причемъ народничество беретъ рѣшительный перевѣсъ. Слѣдующіе за тѣмъ годы посвящены теоретической разработкѣ народничества во всѣхъ сферахъ общественной жизни и воспріятію выводовъ западно-европейской науки, касающихся этой области знанія. Уже въ началѣ семидесятыхъ гг. снова замѣчаются проявленія революціоннаго духа, съ тѣхъ поръ усиливавшіяся все болѣе и болѣе. Замѣчательна быстрота развитія нашей интеллигенціи. Пятилѣтіе составляетъ въ ея жизни эпоху — и въ 25 лѣтъ, отъ 60 до 85 года, она пережила много разительныхъ перемѣнъ. Мы не станемъ излагать подробностей революціоннаго развитія интеллигенціи, а укажемъ его главнѣйшія черты, впрочемъ, вѣроятно извѣстныя нашимъ читателямъ. Въ противоположность политически-революціонному направленію тайнаго общества 60-хъ годовъ, кружки молодежи, принявшіе въ началѣ 70-хъ годовъ революціонную окраску, отличались однако мирнымъ, соціалистически-культурнымъ направленіемъ. Революція, которую они конечно, должны были считать необходимою для уничтоженія слишкомъ безобразнаго русскаго строя, являлась имъ гдѣ-то далеко впереди, въ туманной дали будущаго. Въ настоящемъ же они считали всякую попытку съ своей стороны къ насильственнымъ переворотамъ почти святотатствомъ, посягательствомъ на верховныя права народа. Какъ нѣкогда славянофилы, они были проникнуты

самой преданной, почти идолопоклонической любовью къ народу, къ простому сельскому мужику. Поэтому главнымъ полемъ своей дѣятельности они избрали деревню, помимо которой ничего не видѣли въ Россіи. Въ ихъ средѣ даже замѣтно было чисто культурное теченіе, стремившееся слиться съ народомъ, принести ему пользу въ бытовомъ отношеніи, лечить его, учить его, устраивать ему артели и ассоціаціи и отдать ему свой трудъ въ вознагражденіе за тотъ трудъ, который онъ потратилъ на ихъ воспитаніе. Но главное ихъ теченіе все таки принадлежало соціалистической пропагандѣ. Средства и цѣли этой пропаганды были цѣликомъ заимствованы съ Запада, безъ примѣненія къ условіямъ русской жизни: образовать въ средѣ сельчанъ ядро сознательныхъ соціалистовъ, связанныхъ между собой организаціей, привести весь остальной народъ въ такое состояніе, чтобъ онъ зналъ, чего хотятъ эти соціалисты и сочувствовалъ имъ, и тогда, почти безъ всякихъ усилій, произвести революцію, краткую и мирную, и безпрепятственно приняться за преобразованіе общественнаго устройства — такова былъ планъ дѣйствій, построенный ими. Такой ходъ подготовленія революціи, разумѣется, совершенно немыслимъ въ Россіи, опутанной сѣтями деспотизма и обладающей рѣдкимъ земледѣльческимъ населеніемъ, разбросаннымъ по огромному пространству — условіе, дѣлающее *невозможною среди крестьянъ тайную пропаганду и организацію* въ широкихъ размѣрахъ.

Однако не одно увлеченіе идеями и цѣлями борьбы, заимствованными у западной Европы, видимъ мы здѣсь. «Мирные» пропагандисты, какъ они сами себя называли, представляютъ большое сходство съ первыми проповѣдниками христіанства, хотя это сравненіе можетъ показаться тривіальнымъ. Ихъ сближаютъ то же энтузіастическое увлеченіе великой идеей, то же стремленіе держаться на мирной почвѣ, одинаковые подвиги самоотверженія, отреченіе не только отъ личной безопасности и наслажденій, но, что гораздо труднѣе, отреченіе отъ привычныхъ условій культурной жизни и переходъ въ мужичье состояніе, который является безпримѣрнымъ подвигомъ для интеллигенціи всѣхъ временъ. Этотъ энтузіазмъ, это самоотверженіе родились на русской почвѣ и, конечно, не могутъ считаться заимствованными съ Запада. Таковы были главныя черты стремленія «въ народъ». Жизнь не замедлила принести *рядъ разочарованій адептамъ новаго ученія. Цѣлые десятки*, даже сотни ихъ были выловлены правительствомъ, благодаря отчасти условіямъ деревенской жизни, отчасти ихъ собственной не-

умѣлости. Это было огромной потерей для возникающей партіи, по существу дѣла не могущей отличаться многочисленностью ни тогда, ни послѣ. Особенно часто попадались въ лапы правительства странствующіе проповѣдники, разносившіе новое ученіе подъ личиной мелкихъ торговцевъ или странствующихъ ремесленниковъ. Началась расправа съ судомъ и безъ суда. Каторга, административная ссылка, обрушившаяся на головы самыхъ мирныхъ, въ сущности, людей, ужасы тюремнаго заключенія — все это закинуло первое сѣмя ожесточенія въ души уцѣлѣвшихъ товарищей, сидѣвшихъ по деревнямъ въ качествѣ писарей, учителей, фельдшеровъ, кузнецовъ, пахарей и т. п. Они многому научились изъ дѣйствительности и ничего не забывали. Они видѣли, что произволъ вовсе не намѣренъ оставаться въ бездѣйствіи, предоставляя имъ свободу приготовленія почвы для соціальной революціи и что прежде, чѣмъ они сдѣлаютъ шагъ впередъ по этому пути, большинство изъ нихъ погибнетъ подъ ударами правительства. Присматриваясь къ той почвѣ, на которой они дѣйствовали, они видѣли, что сѣмя пропаганды, брошенное тайно и поспѣшно безъ соображенія съ дѣйствіями товарищей, даетъ слишкомъ рѣдкіе всходы, заглушаемые плевелами послѣ насильственнаго удаленія сѣятеля. Но прежде всего бросилось имъ въ глаза несоотвѣтствіе пріемовъ ихъ дѣятельности, почерпнутыхъ на Западѣ, съ потребностями русскаго народа. Они увидѣли, что преобразованія, которыя являются назрѣвшей необходимостью на Руси, сильно разнятся отъ реформъ, предстоящихъ Западу, ибо, между тѣмъ, какъ послѣднія носятъ характеръ соціалистическій, первыя, по необходимости, являются аграрно-демократическими. Они увидѣли, что Россіи предстоитъ не ломка народныхъ обычаевъ и введеніе новаго неизвѣстнаго строя, а, напротивъ, возстановленіе истинно народныхъ началъ труда и равенства, исконно служившихъ краеугольнымъ камнемъ народной жизни, и освобожденіе этихъ началъ отъ всѣхъ постороннихъ примѣсей. Такимъ образомъ они убѣдились, что соціалистическая пропаганда, несмотря на всю свою благотворность, является дѣломъ второстепеннымъ, ибо, народу прежде всего нужны экономическія преобразованія совсѣмъ иного, хотя и близкаго оттѣнка. Они воочію убѣдились, что народъ и самъ знаетъ, что именно необходимо ему, такъ что въ сферѣ экономическихъ преобразованій интеллигенціи приходится не внушать народу новыя идеи, а выяснить и систематизировать назрѣвшія въ народѣ требованія, написать ихъ на знамени, сгруппировать около нихъ могучую партію и возбудить въ народѣ революціонный духъ.

Далѣе мирные пропагандисты увидѣли, что если народъ остается застойнымъ, то виною тому вовсе не недостатокъ экономическаго пониманія; они увидѣли, что у насъ нѣтъ классовой борьбы, нѣтъ западно-европейской вражды между буржуазіей и народомъ, но что, во всякомъ случаѣ, ненависть мужика къ правящимъ классамъ достаточно сильна для того, чтобы произвести революціонный взрывъ. Если же этого не происходитъ, то единственно вслѣдствіе политическаго неразвитія народа, вслѣдствіе укоренившейся въ немъ идеи царизма. Для нихъ стало мало-по-малу выясняться все огромное пагубное значеніе, которое имѣетъ царизмъ въ жизни нашей страны, хотя вредъ его сначала сталъ имъ яснѣе только въ сферѣ народныхъ идей. Какъ бы то ни было, они мало по-малу дошли до убѣжденія, что одной изъ главныхъ задачъ соціально-революціонной партіи является борьба съ царизмомъ. Сами того не замѣчая, они, правовѣрные экономисты-соціалисты, стали на почву политическую, правда, въ мірѣ теорій и идей, а не въ области практическихъ дѣйствій. Таковы главныя основы того движенія, которое извѣстно подъ именемъ «народничества» и которое представляетъ собой направленіе, основанное на данныхъ, почерпнутыхъ изъ дѣйствительной жизни, а не фантастическое, выработавшееся по книжкамъ, ученіе мирныхъ пропагандистовъ. «Народническое» *направленіе, извлекшее изъ праха и забвенія* русскій народный девизъ «Земля и Воля», является, собственно говоря, единственно разумнымъ для Россіи демократически-революціоннымъ направленіемъ, въ томъ случаѣ, если бы у насъ существовала хотя какая нибудь свобода дѣйствій для революціонной партіи. Но такой свободы дѣйствій нѣтъ и народничество также является несоотвѣтствующимъ цѣли. Дѣло въ томъ, что направленіе мирныхъ пропагандистовъ и народничество (которые, впрочемъ, гораздо болѣе сходны по практическимъ пріемамъ, чѣмъ по теоретической подкладкѣ, ибо оба они дѣйствуютъ на деревенской почвѣ при помощи живаго слова) стремятся къ тому, чтобы всѣ измѣненія въ русскомъ строѣ производить при посредствѣ народа и только черезъ него. Болѣе самостоятельный образъ дѣйствій они считаютъ, какъ уже сказано выше, безполезнымъ, даже святотатственнымъ узурпированіемъ правъ верховнаго суверена — народа. Конечно, такое убѣжденіе имѣетъ свою цѣну тамъ, гдѣ $^{9}/_{10}$ населенія сплошь *состоитъ изъ деревенской массы, интересы которой* совпадаютъ съ интересами революціоннаго прогресса, но оно мало соотвѣтствуетъ *данному* положенію русскихъ общественныхъ силъ.

Народная масса у насъ является не единственнымъ и не лучшимъ орудіемъ революціи, такъ какъ для успѣха народнаго возстанія необходимо много условій. У насъ есть еще и другія силы, при помощи которыхъ можно производить перевороты, напр., войско. Наконецъ, положеніе нашего правительства таково, что каждый ударъ, откуда бы онъ ни былъ нанесенъ, рукой милліоновъ или рукой одного человѣка, ослабляетъ его очень и очень замѣтно. Помимо всѣхъ этихъ соображеній, прежде всего должно было броситься въ глаза народникамъ то обстоятельство, что и ихъ дѣятельность является почти настолько же безплодною, какъ и дѣятельность мирныхъ пропагандистовъ, что при ихъ малочисленности, при обширности и разбросанности поля дѣйствія, при невыносимыхъ полицейскихъ условіяхъ, ихъ дѣятельность является чѣмъ то вродѣ стремленія вычерпать море дырявымъ ковшикомъ. Волей неволей они должны были придти къ такому силлогизму: «Если условія нынѣшней общественной жизни мѣшаютъ нашему сближенію съ народомъ и дѣлаютъ безплодными и пагубными для насъ всѣ попытки въ этомъ направленіи, если такимъ образомъ не созрѣло еще время для правильной подготовки народной революціи, то стало быть намъ остается самимъ перейти отъ слова къ дѣлу, отъ теоретической дѣятельности къ практикѣ и начать самостоятельно борьбу, чтобы подготовить условія, которыя нужны для безпрепятственной дѣятельности въ народѣ». Но какая же это борьба и съ кѣмъ? Разумѣется, борьба съ правительствомъ за политическую свободу, за право безпрепятственно чувствовать, думать, говорить, писать, ибо въ Россіи больше не съ кѣмъ бороться. И единственнымъ средствомъ для такой борьбы съ правительствомъ, борьбы, реальной и плодотворной, а не словесной или письменной только, является терроръ. Этотъ силлогизмъ самъ собою неотразимо внѣдрялся въ умы наиболѣе энергичныхъ народниковъ и былъ первымъ этапомъ, приведшимъ ихъ мысль къ политическому террору. Однако нельзя сказать, чтобы этотъ переходъ былъ для нихъ очень легокъ. Трудно было этимъ завзятымъ экономикамъ-соціалистамъ, убѣжденнымъ, что всякая политическая борьба, ведущая къ конституціонализму, полезна развитію буржуазіи и пагубна народному дѣлу, вдругъ вступить на почву политической борьбы и требовать тѣхъ самыхъ политическихъ правъ, которымъ они еще недавно придавали такъ мало значенія. Этотъ переворотъ произошелъ медленно и постепенно, почти безсознательно, путемъ компромиссовъ и сдѣлокъ. Встрѣчались, напр., такого рода заявленія: «намъ не надо

писанной конституціи въ собственномъ смыслѣ, ибо она дѣйствительно ведетъ къ развитію буржуазіи, но мы добьемся того, чтобы правительство смотрѣло сквозь пальцы (!) на наши дѣйствія». Мы встрѣчаемъ людей, какъ С. Перовская, которыхъ нужно было переубѣждать долгіе мѣсяцы; мы видимъ далѣе, что даже люди, пережившіе ломку убѣжденій, дѣйствуютъ очень осторожно на Воронежскомъ и Липецкомъ съѣздахъ и организаціи новой народовольческой партіи даютъ переходной характеръ, чтобы не слишкомъ рѣзко разрывать съ прошлымъ (см. біографію Желябова—о съѣздахъ). Въ рядѣ статей «Земли и Воли» и «Народной Воли» можно наглядно видѣть, какъ мѣдленно и осторожно измѣнялись воззрѣнія на способы революціонной борьбы. Однако жизнь толкала на настоящую дорогу и нужно было идти. Собственно говоря, измѣненіе чувствъ предшествовало измѣненію убѣжденій и первые террористическіе факты, хотя въ сущности являющіеся провозвѣстниками измѣненія способовъ борьбы, тѣмъ не менѣе для совершителей ихъ носили характеръ самозащиты и мести за надругательства, совершенныя надъ близкими братьями. Не говоря уже о выстрѣлѣ Вѣры Засуличъ и первыхъ вооруженныхъ сопротивленіяхъ, даже два первые факта настоящаго террора—убійства Мезенцева и Кропоткина—также являются гораздо болѣе актами самозащиты и наказанія, чѣмъ принципіальными дѣяніями. Но вступивъ на путь террора, новообразовавшаяся партія «Народной Воли» внезапно увидѣла себя совершенно въ иномъ положеніи, чѣмъ прежде. У нея въ рукахъ оказалось оружіе, могущество котораго рѣзко выказалось только во время борьбы. Терроръ оказался одновременно приносящимъ многоразличные результаты. Правда, онъ усиливалъ правительственныя гоненія, но они и безъ того доходили до такой интенсивности, что дальнѣйшее усиленіе ихъ падало больше на общество, чѣмъ на революціонеровъ. А разъ попавшись въ руки правительства, революціонеру съ практической точки зрѣнія, все равно, погибнуть ли на висѣлицѣ, сгнить ли въ стѣнахъ Петропавловской крѣпости, или исчахнуть въ снѣгахъ Якутской области. За то при помощи террора партія „Народной Воли" довела правительство до послѣдней степени деморализаціи, принудила его, оставивъ въ сторонѣ всѣ отправленія государственной дѣятельности, напрягать всѣ свои силы въ борьбѣ, принудила его дрожать отъ страха и бевсильной злобы, принудила высшихъ сановниковъ брать отставку въ сознаніи своего безсилія, принудила царя прятаться за стѣнами крѣпости и вести такъ скучную жизнь

заключенію. Здѣсь дѣло шло уже не о принужденіи правительства къ конституціоннымъ уступкамъ, а о томъ, чтобы рядомъ послѣдовательныхъ ударовъ привести наше самодержавіе на край гибели и если возможно — прикончить его, воспользовавшись вышеуказанными вспомогательными факторами—внутреннимъ разложеніемъ, финансовыми кризисами, внѣшними пораженіями — и на развалинахъ его водрузить знамя торжествующей революціи. Но и кромѣ того, терроръ имѣетъ огромное нравственное значеніе, какъ средство пробужденія общества и народа отъ долгаго сна. Терроръ говоритъ громче слова печатнаго или устнаго и слушателями его *являются милліоны*. Въ половинѣ 70-хъ годовъ много говорилось о пропагандѣ фактами и въ этихъ видахъ устраивались демонстраціи съ красными знаменами и зажигательными рѣчами, демонстраціи, оставшіяся неизвѣстными и непонятными народу и окончившіяся безплодною гибелью ихъ участниковъ. Терроръ — это настоящая пропаганда фактами, могущая достигать удивительныхъ результатовъ. Онъ воочію показываетъ всѣмъ имѣющимъ глаза, чтобы видѣть, всю слабость и безсиліе русскаго деспотизма. — Нашъ врагъ кажется намъ великимъ, потому что мы стоимъ на колѣняхъ. Поднимемся! — говоритъ онъ имъ. Онъ показываетъ, какъ небольшая горсть самоотверженныхъ людей можетъ держать въ осадѣ властителя шестой части свѣта и въ концѣ концовъ одержать надъ нимъ блестящую побѣду. Онъ вселяетъ мужество и энергію въ душу даже самыхъ робкихъ, самыхъ безсильныхъ, самыхъ колеблющихся. Даже для народной массы терроръ имѣетъ воспитательное значеніе. Онъ заставляетъ ее задумываться надъ этими грозными взрывами, съ непобѣдимымъ упорствомъ слѣдующими одинъ за другимъ. Самоотверженіе и настойчивость его дѣятелей наводитъ народъ на раздумье о его цѣляхъ. Вспомнимъ малорусскую легенду о разговорѣ между Богомъ и Николаемъ угодникомъ, напечатанную въ революціонныхъ изданіяхъ и появившуюся между прочимъ въ извѣстномъ сочиненіи Леруа Больё о Россіи. — Должно быть сильно досадилъ царь тѣмъ людямъ, если они такъ упорно хотятъ убить его. — Но всякое раздумье народа о событіяхъ настоящаго времени опасно для деспотизма, ибо непониманіе дѣятельности революціонной партіи, существующее въ народѣ, можетъ наконецъ разрушиться и за разодранной завѣсой онъ увидитъ революціонную борьбу въ ея настоящемъ свѣтѣ. Далѣе терроръ расшатываетъ царизмъ и инымъ путемъ, подрывая обаяніе правительственной силы, составляющее одинъ изъ самыхъ худшихъ элементовъ идеи цариз-

ма. Такъ, по поводу извѣстнаго Гатчинскаго сидѣнія стали ходить въ народѣ слухи, что это не царь, а переодѣтый генералъ, ибо настоящій царь никогда не побоится показаться въ народѣ. Наконецъ, терроръ имѣетъ не малое значеніе и какъ дѣятель, развивающій въ массѣ народа революціонный духъ и вызывающій ее на подобные же поступки противъ своихъ враговъ, путемъ силы передъ жанія.

Помимо всего этого, терроръ, какъ средство политической борьбы, имѣетъ воспитательное значеніе не только для настоящихъ поколѣній, но и для будущихъ. Не надо забывать, что это первый шагъ русской интеллигенціи въ реальной борьбѣ съ деспотизмомъ и шагъ очень рѣшительный и блестящій, открывающій широкій путь передъ ней. Если даже революціонная борьба въ Россіи затянется на нѣсколько десятилѣтій подобно тому, какъ затянулась Итальянская борьба за независимость, и подчиняясь законамъ акціи и реакціи, будетъ имѣть свои перерывы, то для будущихъ бойцовъ революціи дорога расчищена. Они будутъ почерпать опытъ и нравственную поддержку въ изученіи событій настоящаго времени и такимъ образомъ станутъ продолжать начатое дѣло, а не начинать сначала.

Намъ нечего, конечно, указывать на то, что такъ какъ терроръ *есть орудіе политической борьбы съ царизмомъ, то, слѣдовательно*, главными актами его являются покушенія на цареубійство, а кульминаціоннымъ пунктомъ—событіе перваго Марта.

Итакъ главнымъ орудіемъ политической борьбы для партіи «Народной Воли» является терроръ. Всѣ остальныя измѣненія въ ея дѣятельности сравнительно съ прежней эпохой не столь существенны на мой взглядъ и прямо вытекаютъ изъ всего сказаннаго выше о терроръ. Партія «Народной Воли» должна была сконцентрироваться въ городахъ, ибо именно здѣсь происходятъ всѣ трагедіи политической борьбы. Она должна была сосредоточить свое вниманіе на классахъ городскихъ, на молодежи, на фабричныхъ рабочихъ, не столько для цѣлей широкой пропаганды, сколько для того, чтобы извлекать отсюда новыхъ товарищей на мѣсто выбывающихъ изъ строя. Она должна была съорганизоваться гораздо болѣе тѣсно, чѣмъ прежде, для того, чтобы удачно вести такія крупныя предпріятія, какъ цареубійство, чтобы болѣе успѣшно бороться *съ правительствомъ и его полиціей и т. п. Но слѣдуетъ* ли изъ всего вышесказаннаго, что дѣятельность Народовольческой партіи находится въ противорѣчіи съ дѣятельностью болѣе мир-

ныхъ группъ, занимающихся пропагандой и агитаціей? Совершенно напротивъ. У всего сказаннаго выше о террорѣ есть и другая сторона. Терроръ, существующій отдѣльно отъ всей остальной революціонной дѣятельности, оторванный, такъ сказать, отъ почвы, далеко не имѣлъ бы того значенія, что терроръ, составляющій только одно изъ оружій (правда, самое острое) революціонной партіи. Голый террористическій фактъ, несмотря на всю свою кровавую убѣдительность, нуждается въ надлежащемъ освѣщеніи и оцѣнкѣ. Необходимо, чтобы во всѣхъ концахъ страны были сознательные элементы, могущіе послужить среди народа и общества ферментомъ для образованія здороваго и трезваго представленія о террористическомъ фактѣ. Иначе онъ рискуетъ остаться непонятымъ и явиться во мнѣніи очень многихъ только, какъ безпримѣрное злодѣяніе. Кромѣ того, террористическая дѣятельность требуетъ большихъ жертвъ и затратъ. Ей необходимъ постоянный и обильный притокъ свѣжихъ бойцовъ и денежныхъ средствъ. А такой притокъ возможенъ только тогда, когда пропагаторская и агитаціонная дѣятельность ведется въ возможно болѣе обширныхъ размѣрахъ. Поэтому ослабленіе пропагаторской и агитаціонной работы, явившееся результатомъ многочисленныхъ разгромовъ, вызвало немедленное ослабленіе и даже прекращеніе террора. Боевыя силы, которыя въ другое время продолжали бы свою грозную дѣятельность, должны были уйти внутрь и приняться за возстановленіе поколебленныхъ и полуразрушенныхъ укрѣпленій революціонной партіи. Чтобы кровля твердо держалась, необходимо постоянно содержать въ исправности фундаментъ. Этотъ афоризмъ можетъ многое пояснить въ современномъ положеніи революціонной борьбы. Вся дѣятельность революціонеровъ уходитъ на возобновленіе осыпающагося фундамента. Такъ будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока онъ снова пріобрѣтетъ достаточную степень прочности, сколько бы лѣтъ для этого не потребовалось. Иначе быть не можетъ.

Наконецъ, терроръ, состоя изъ ряда отдѣльныхъ предпріятій, никогда не могъ занимать всю дѣятельность не только партіи «Народной Воли» въ ея цѣломъ, но даже и тѣхъ членовъ ея, которые посвящали себя террору по преимуществу. Корифеи террора, Желябовъ, Перовская, Халтуринъ, большую часть своего времени употребляли не на терроръ, а на пропаганду среди молодежи и рабочихъ, и можетъ быть сдѣлали въ этомъ отношеніи гораздо болѣе тѣхъ, которые упрекаютъ партію въ томъ, что она для динамита оставила слово.

Не меньшее значеніе имѣетъ пропагаторская дѣятельность для самаго момента революціи. Она будетъ тогда связью между революціонной партіей и народомъ — мостомъ, по которому имъ легко будетъ сойтись и столковаться между собой.

VIII.

Мы разсмотрѣли поэтому всѣ наличные общественные силы Россіи. Теперь намъ остается разсмотрѣть, каково ихъ совмѣстное дѣйствіе въ настоящее время и каково ихъ вѣроятное взаимное отношеніе въ будущемъ вплоть до революціонной катастрофы и во время ея; разсмотрѣть явленія и результаты борьбы общественныхъ силъ въ Россіи.

Собственно говоря, всѣ основныя черты для описанія этого можно почерпнуть изъ вышесказаннаго. Настоящее состояніе Россіи таково. Три реальныя борющіяся силы стоятъ на аренѣ — правительство, революціонная интеллигенція и народная масса. Остальные общественные слои — всѣ правящіе классы, не имѣютъ никакого самостоятельнаго значенія. Они совершенно не вмѣшиваются и даже пугливо отстраняются отъ участія въ борьбѣ между революціонной интеллигенціей и правительствомъ, ибо громкія фразы консервативныхъ газетъ и „вѣрноподданническіе адресы дворянскихъ собраній не составляютъ еще участія въ борьбѣ. Слова останутся словами и самые преданные и сладкоголосые пѣвцы въ минуту опасности первые обратятся въ бѣгство. Конечно и въ средѣ правящихъ классовъ замѣчается раздѣленіе на два противоположные лагеря. Одни — подавляющее большинство — сознаютъ, что ихъ интересы совпадаютъ съ интересами деспотизма и желаютъ, чтобы онъ просуществовалъ еще нѣкоторое время. Въ далекое будущее они не заглядываютъ и потому объ основахъ не заботятся. Лишь бы на ихъ вѣкъ хватало, а потомъ... *après nous le déluge*. Ихъ сочувствіе деспотизму и содѣйствіе его охраненію ограничивается политическими доносами на своихъ личныхъ враговъ.

Другіе — меньшинство, отрѣзокъ либеральнаго, также платонически сочувствуютъ революціонной партіи, какъ большинство сочувствуетъ деспотизму, и содѣйствуютъ ей на дѣлѣ развѣ тогда только, когда это содѣйствіе не представляетъ никакой видимой опасности. О томъ же, чтобы они выступили самостоятельно на арену борьбы, не можетъ быть даже и рѣчи.

Но возвратимся къ борющимся. Правительство обладаетъ огром-

ной матеріальной силой, состоящей въ деньгахъ и штыкахъ и обширной административной организаціей. За то оно находится въ крайнемъ состояніи нравственнаго разложенія и деморализаціи. Это разложеніе только отчасти произведено революціонными ударами послѣдняго времени, главнымъ же образомъ представляетъ явленіе, вызванное неотразимымъ дѣйствіемъ историческихъ условій. Эта нравственная деморализація, выражающаяся въ полномъ отсутствіи вниманія къ государственнымъ интересамъ со стороны лицъ, прямо участвующихъ въ управленіи, ведетъ за собой всеобщее матеріальное разстройство. Упадокъ государственнаго строя увеличивается съ каждой минутой и не смотря на то, что онъ повидимому обладаетъ огромными рессурсами силы, при первомъ нападеніи врага обнаруживается его несостоятельность. Матеріальная организація, пущенная въ ходъ наскоро и дрожащей рукой, не дѣйствуетъ. Ржавыя орудія стараго строя издаютъ только скрипъ. Ихъ выстрѣлы грозятъ паденіемъ ему самому гораздо болѣе, чѣмъ его врагамъ. Тогда непобѣдимый ужасъ забирается въ душу его защитниковъ. Они уже заранѣе считаютъ свое дѣло потеряннымъ, прежде даже, чѣмъ началась серьезная борьба. Они преувеличиваютъ силы врага, напрягаютъ безплодно свои собственныя, мечутся изъ стороны въ сторону, забрасываютъ въ пренебреженіи всѣ функціи государственной жизни, которая поэтому окончательно разстраивается, хватаютъ за шиворотъ перваго мирнаго встрѣчнаго, принимая его за воображаемаго врага,—однимъ словомъ, дѣйствуютъ какъ люди, обреченные на близкую гибель и тѣмъ скорѣе приходятъ къ ней. Реакція послѣдняго времени, усиливающаяся съ каждымъ днемъ, представляется мнѣ не признакомъ побѣды и усиленія торжествующаго деспотизма, какъ полагаютъ иные малодушные умы, а послѣднимъ судорожнымъ усиліемъ ослѣпленнаго правительства въ общественной борьбѣ, быстро приближающейся къ развязкѣ. Таково состояніе перваго противника. Перейдемъ теперь къ другому.

Мы видимъ горсть людей, небольшое количество которыхъ то уменьшается, то снова пополняется, людей, выдѣлившихся изъ всѣхъ общественныхъ слоевъ, отъ придворнаго дворянства до сѣраго крестьянства, людей сбродныхъ, которыхъ однако тѣсно соединяютъ общія свойства ума и сердца. Ихъ умъ воспринялъ широкія идеи прогресса, конечно не согласующіяся съ наличными условіями жизни, а ихъ сердце, проникнутое сочувствіемъ къ угнетеннымъ и ненавистью къ угнетателямъ, указало имъ на револю-

ціонную борьбу, какъ на единственное средство вывести родину изъ отчаяннаго состоянія. Это лучшіе люди, соль земли русской. Ихъ убѣжденія крѣпки, какъ скала, и въ нихъ они находятъ силу для величайшихъ подвиговъ самоотверженія. И они дѣйствительно готовы на всякія жертвы. Они дерзаютъ, а все дерзать—значитъ все мочь. И въ этой несокрушимой нравственной твердости вся ихъ мощь; она съ успѣхомъ замѣняетъ имъ почти полное отсутствіе матеріальной силы, она даетъ имъ энергію возставать изъ праха послѣ каждаго паденія подъ слѣпыми ударами противника и съ удвоеннымъ ожесточеніемъ начинать борьбу снова и снова. Конечно нечего и говорить, что положеніе второй борющейся силы безконечно выгоднѣе положенія первой. Я не говорю уже о томъ, что будущее за нее и что если она падетъ подъ ударами противника, то изъ костей ея выростетъ еще болѣе самоотверженное и грозное поколѣніе борцовъ—мстителей; но и въ настоящій моментъ всѣ шансы побѣды на ея сторонѣ, не смотря на кажущійся упадокъ ея дѣятельности. Нужно только, чтобы не оскудѣвала нравственная сила земли русской, чтобъ молодыя поколѣнія рядъ за рядомъ выдѣляли изъ себя новыхъ борцовъ «добрыхъ, благородныхъ, сильныхъ любящей душой» и тогда силы революціонной партіи неисчерпаемы, между тѣмъ, какъ противникъ будетъ слабѣть съ каждымъ мгновеніемъ.

Фономъ и основаніемъ для этой ожесточенной борьбы служитъ народъ. Огромная сельская масса, хотя и имѣющая много задатковъ для будущаго блестящаго развитія, но глубоко невѣжественная въ настоящій моментъ, не понимаетъ того, что происходитъ предъ нею. «Все спутано въ ея представленіи—она принимаетъ друзей за враговъ, враговъ за друзей. Деспотизмъ по ея мнѣнію есть ея защитникъ и благодѣтель, а приспѣшники и слуги деспотизма, въ которыхъ она способна ясно различать своихъ непосредственныхъ враговъ, тѣмъ самымъ по ея воззрѣнію становятся врагами и деспотизму въ лицѣ его верховнаго представителя. Революціонеры представляются ей чѣмъ то близкимъ къ этимъ воображаемымъ врагамъ царя, партіей помѣщиковъ, мстящихъ царю за уничтоженіе крѣпостнаго права. Народъ и царь на одной сторонѣ, бары-чиновники и революціонеры на другой,—вотъ чудовищная перетасовка борющихся силъ, сдѣланная мыслью народа. Однако такое представленіе слишкомъ несообразно съ дѣйствительностью; самъ народъ смутно ощущаетъ это и главное чувство, сжимающее ему грудь передъ зрѣлищемъ неслыханной борьбы, есть тягостное,

тревожное недоумѣніе. Такъ и сямъ перелетающія воззванія изъ лагеря интеллигенціи, такъ и сямъ разсѣянная пропаганда, отчеты газетъ, слухи и т. п. все болѣе и болѣе растатываютъ тонкую перегородку недоразумѣнія, существующую между революціонной партіей и народомъ.

Но и сама по себѣ народная масса далеко не находится въ состояніи спокойствія. Разстройство государственной жизни, увеличивающееся съ такой страшной быстротой, отражается невыносимымъ гнетомъ на ея положеніи. Всѣ дикія конвульсивныя метанія испуганнаго деспотизма отзываются, какъ удары молота, на широкой спинѣ, которая поддерживаетъ все зданіе и тупая ломота костей рабочей лошади превращается въ нестерпимо-острую боль. Народная масса не знаетъ, откуда идетъ весь безпорядокъ: она не въ состояніи понять, откуда взялась гора несчастій, разомъ обрушившаяся на ея голову, но она по старому обыкновенію ждетъ облегченія отъ всемогущаго царя. А такъ какъ вмѣсто облегченія является только отягченіе, то надежды уступаютъ мѣсто недовольству и разочарованію. Между тѣмъ по неизмѣнному ходу прогресса годъ отъ году растутъ потребности народа, растетъ чувство собственнаго достоинства, растетъ способность критически относиться ко всѣмъ пугаламъ, служащимъ для народа предметомъ тысячелѣтняго уваженія. Вмѣстѣ съ тѣмъ неудержимо растетъ и раздраженіе массы, выражаясь въ отдѣльныхъ революціонныхъ вспышкахъ, переходя отъ частнаго къ общему, восходя по ступенямъ общественной лѣстницы къ ступенямъ трона. Испуганный царизмъ, видя такое настроеніе народа, слыша предательскіе, застращивающіе клики охранителей крѣпостниковъ, до конца стремящихся ловить рыбу въ мутной водѣ, окончательно теряетъ голову. Отъ страха онъ начинаетъ храбриться. «Не надо уступокъ! Путемъ уступокъ пришелъ на эшафотъ король Франціи!» — и на грозное требованіе народа: «земля и воля!», онъ отвѣчаетъ: «никому ничего не дамъ!» Очевидно, что противорѣчіе народныхъ требованій и правительственнаго настроенія можетъ и должно разрѣшиться обширнымъ народнымъ возстаніемъ.

Таковъ смыслъ настоящаго момента. Онъ измѣнчивъ, какъ волна морская — съ каждымъ часомъ состояніе вещей мѣняется и сегодняшнее затишье завтра можетъ снова превратиться въ бурю. Каковъ же вѣроятный исходъ изъ всего этого? Чѣмъ разрѣшится положеніе, которое становится грознѣе и грознѣе съ каждой минутой? Никто, разумѣется, не въ состояніи предсказывать будущее,

но основныя черты общественной борьбы опредѣлились настолько рѣзко, направленіе событій видно такъ ясно, что, не будучи пророкомъ, можно до извѣстной степени предсказать сущность того великаго неизвѣстнаго, которое послѣдуетъ въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Это будетъ страшное крушеніе, революція, охватывающая сразу всѣ отрасли народной жизни. Другой исходъ невозможенъ. Я едва осмѣливаюсь предъ лицомъ надвигающейся революціи выразить предположеніе, что уничтоженіе существующаго строя можетъ быть оттянуто на нѣсколько десятилѣтій, ибо изъ самыхъ нѣдръ народной души въ отвѣтъ вырывается горячее прерывающееся дыханіе: «невозможно ждать!» Какъ бы то ни было, крушеніе самодержавія, даже и оттянутое на какія нибудь 25 лѣтъ, ничего не потеряетъ въ своей зловѣщей грандіозности. Еще болѣе невозможно для существующаго строя вернуться назадъ, вымечиться, хотя отъ одной изъ разъѣдающихъ его болѣзней, примѣниться къ требованіямъ времени, путемъ уступокъ, полумѣръ, половинчатыхъ реформъ ослабить грозное развитіе революціи и отвести въ сторону ея наступательное шествіе. Да, цари наши правы! Уступки безполезны и приведутъ ихъ къ гибели, какъ привели онѣ къ ней Людовика XVI. Но и всѣ другіе пути приведутъ ихъ туда же. А этихъ путей такъ много, что трудно опредѣлить, какой изъ нихъ кратчайшій и вѣроятнѣйшій.

Внѣшнее пораженіе, неминуемо влекущее за собой крушеніе деспотическаго строя; всеобщее народное возстаніе, которому сигналомъ можетъ послужить, что угодно, отъ революціоннаго воззванія до дворцовой смуты; побѣдоносное нападеніе революціонной партіи, путемъ динамитныхъ взрывовъ приведшей правительство къ паникѣ и дезорганизаціи; полное разстройство государственной жизни, дѣлающее необходимымъ созваніе всеобщаго собора и ликвидацію самодержавнаго строя по образцу французской революціи—вотъ явленія, каждое изъ которыхъ способно вызвать само по себѣ огромную и всеобщую революцію. Однако, вѣроятнѣе всего, что въ въ этомъ направленіи будетъ дѣйствовать не одинъ только изъ вышеуказанныхъ факторовъ, а всѣ вмѣстѣ или большинство, взаимно другъ друга дополняя и поддерживая. Разложеніе правительственнаго строя, ростъ народнаго недовольства, ведущій къ возстанію, удары революціонной партіи, все это силы, тѣсно связанныя между собой и опредѣляющія одна другую. Остается внѣшнее пораженіе, которое можетъ быть или не быть, можетъ вызвать революцію—завтра, и можетъ совсѣмъ не участвовать въ ея появле-

ни. Впрочемъ внѣшнее пораженіе, если и ускоритъ революцію, то можетъ принести Россіи вредъ въ другомъ отношеніи. Оно можетъ заставить ее заплатить за освобожденіе отъ путь самодержавія лучшими провинціями и морскими берегами, оно можетъ повести революціонную Россію на путь героической борьбы со всѣмъ старымъ міромъ, на путь, по которому очень легко придти къ наполеоновскому цезаризму.

Итакъ въ недалекомъ будущемъ предстоитъ великая революція, не какое нибудь частное измѣненіе существующихъ безобразій, а полное уничтоженіе всего подгнившаго и прогнившаго зданія. Кто же водрузитъ свое знамя надъ грудой безобразныхъ обломковъ? Кто примется созидать новое величественное зданіе? Кому революція доставитъ власть? Разумѣется, только тѣмъ, кто будетъ участвовать въ битвѣ и чьими усиліями побѣда будетъ одержана—т. е. революціонной интеллигенціи и народу. Совершенно невѣроятно предположеніе, чтобы какая нибудь часть правящихъ классовъ, напр., буржуазія также имѣла тутъ участіе. Для того, чтобы имѣть возможность ловить рыбу въ мутной водѣ революціоннаго времени, есть два пути. Первый—обладая достаточнымъ мужествомъ, стать въ ряды бойцовъ до начала революціи, бросаться въ огонь на поляхъ битвы и потомъ по плечамъ товарищей, одураченныхъ и ослѣпленныхъ, пролѣзть къ власти. Такъ ведетъ себя цезаризмъ въ лицѣ своихъ самыхъ выдающихся представителей. Такъ вела себя и французская буржуазія въ 1789 году. Она тоже страдала и нетерпѣливо хотѣла освободиться отъ гнета, она призвала народъ къ возстанію и дала ему интеллигентную поддержку, она разбудила революціонный духъ, она мужественно выдержала первую трудную борьбу съ деспотизмомъ въ національномъ собраніи и на улицѣ, пославъ ему гордый вызовъ устами Мирабо: «скажите вашему повелителю, что мы разойдемся только предъ силою штыковъ», она наконецъ дала революціи не только вожаковъ и проповѣдниковъ, но и рядовыхъ бойцовъ, и подъ стѣнами Бастиліи, рядомъ съ фабричными рабочими и ремесленниками, легло не мало и купцовъ, адвокатовъ, богатыхъ собственниковъ и т. п. Наша буржуазія ни въ какомъ случаѣ не пойдетъ по этому пути. Во время революціи она забаррикадируетъ только двери своихъ жилищъ и съ замираніемъ сердца будетъ прислушиваться къ выстрѣламъ, умоляя Бога, чтобы скорѣе пронесло грозу.

Но есть и другой путь для обманнаго захвата власти. Можно не участвовать въ самомъ бою, даже боязливо прятаться во время

кровавой расправы, а потомъ выступить со велерѣчивыми воззваніями, отуманить бойцамъ голову громкими фразами, сплетеніемъ лести и общихъ мѣстъ, выставить себя народнымъ защитникомъ и покровителемъ, естественнымъ представителемъ и главой, и подъ убаюкивающіе звуки этихъ сладкихъ пѣсенъ вырвать у бойцовъ побѣду, залитую ихъ кровью. Такой способъ дѣйствій всего сподручнѣе для буржуазіи, и она часто прибѣгала къ нему во время революцій, напр., въ 1830 и 1848 гг. Но для этого нуженъ умъ и краснорѣчіе, нужно имѣть интеллигенцію на своей сторонѣ. Интеллигенція въ этомъ случаѣ для буржуазіи *союзникъ незамѣнимый*. Такъ въ 1830 г., когда истинно народной интеллигенціи не было въ Франціи, буржуазія совершенно безпрепятственно захватила власть, при помощи похвалъ народному безкорыстію и геройству, въ изобиліи расточаемыхъ ею во время знаменитыхъ трехъ дней; а въ 1848 г., когда часть интеллигенціи была на народной сторонѣ да и самъ народъ въ связи съ этимъ былъ сознательнѣе, побѣда досталась въ распоряженіе буржуазіи далеко не такъ легко, какъ въ 1830 г. Ей пришлось пройти чрезъ миноріи мытарства, чрезъ министерство труда, чрезъ комедію національныхъ и стерскихъ, чрезъ страшную драму іюньскихъ дней и успокоиться на лонѣ «чернаго человѣка, который имѣетъ». А въ 1871 г. буржуазіи и совсѣмъ пришлось бѣжать изъ Парижа, водворять свое господство долговременной осадой и сотней тысячъ убійствъ и опять таки успокоиться на лонѣ «честной шпаги» въ «республикѣ безъ республиканцевъ».

Но если такой способъ дѣйствій труденъ и для западно-европейской буржуазіи, то для нашей россійской онъ *совершенно* невозможенъ. На какомъ языкѣ будутъ наши Разуваевы уговаривать интеллигенцію и народъ уступить имъ часть побѣды? Какія громкія отуманивающія голову слова могутъ они написать на своемъ знаменѣ? Смѣшно даже подумать, чтобы нашимъ «буржуямъ» пришло въ голову приняться за мудреную задачу улавливанія революціонной интеллигенціи въ свои словесныя сѣти.

Колупаевы и Разуваевы составляютъ главную экономическую силу нашей буржуазіи. Всѣ упованія ея на лучшее будущее покоятся именно на чумазомъ мулахѣ, который въ настоящее время занятъ грязнымъ и некрасивымъ процессомъ напитанія. Конечно, *вся масса нашего культурнаго общества* имѣетъ много точекъ соприкосновенія съ буржуазіей. Соціалистическіе, или даже аграрно-демократическіе идеалы не могутъ пользоваться сочувствіемъ культурныхъ классовъ, чьи интересы, за немногими исключеніями,

пользуются благами частной собственности и привилегированнаго чиновничества. Между ними можно встрѣтить много талантливыхъ и образованныхъ людей, которые при другихъ общественныхъ условіяхъ съ честью фигурировали бы въ рядахъ буржуазной интеллигенціи. Но при наличныхъ соотношеніяхъ общественныхъ силъ въ Россіи, революціи не приходится опасаться ихъ либеральнаго воздѣйствія. Мы раньше говорили, что направленіе русской интеллигенціи отличается рѣшительно демократическимъ характеромъ. Тѣ самые писатели и ораторы, которые по своимъ инстинктамъ принадлежатъ къ приверженцамъ существующихъ буржуазныхъ отношеній, исповѣдуютъ однако убѣжденія, неизмѣнно носящія болѣе или менѣе яркую народническую окраску. Либерально-буржуазныя идеи пробираются въ литературу робкимъ и неувѣреннымъ шагомъ. Чисто буржуазнаго либерализма въ нашей литературѣ, собственно говоря, нѣтъ, ибо тѣ, напр., газеты, которыя усерднѣе всего проповѣдывали правовой порядокъ, являлись въ тоже время приверженцами аграрныхъ реформъ. Голосъ утробно-буржуазныхъ инстинктовъ становится сильнѣе только въ эпоху реакціи, въ періоды же нравственнаго подъема онъ слабѣетъ и замираетъ, и можно предсказать, что во время огромнаго нравственнаго подъема, вызваннаго революціей, онъ совершенно затеряется въ громкомъ хорѣ голосовъ торжествующей демократіи. Защитники буржуазной собственности будутъ оказывать посильное давленіе на ходъ революціонныхъ событій, равно въ смыслѣ ослабленія радикальнаго и всеобщаго характера преобразованій. Но извѣстно, что во время революцій поле дѣйствія принадлежитъ только крайнимъ: промежуточныя партіи затираются въ борьбѣ. Буржуазные либералы могли бы имѣть перевѣсъ во время революціи только въ томъ случаѣ, если бы могли разсчитывать на прочную матеріальную опору со стороны буржуазіи или же на правительственную поддержку. Надѣюсь, что обѣ эти точки опоры будутъ слишкомъ слабы во время революціи. Другое дѣло—конституція. Если бы существующій строй имѣлъ возможность при своихъ будущихъ измѣненіяхъ остановиться на полдорогѣ *quasi*-либеральной конституціи, то нѣтъ сомнѣнія, что проповѣдники буржуазнаго либерализма пріобрѣли бы видное положеніе, правда, на нѣсколько мгновеній. Они должны были бы постоянно лавировать между хрупкой, почти не существующей опорой буржуазно-кулацкихъ собственниковъ и двусмысленной и лицемѣрной поддержкой правительства. При такихъ условіяхъ конституція должна была бы или превратиться въ револю-

цію, или же скоро выродится въ жалкую пародію и тѣнь тѣни, какъ выродились либеральныя начинанія 60-хъ годовъ.

Намъ, можетъ быть, скажутъ.—Нѣтъ, наша буржуазія не выступитъ на поприще идей и словъ, гдѣ она встрѣтитъ суровый отпоръ со стороны революціонной интеллигенціи, но за то она постарается одурачить простую народную массу. Она будетъ брататься съ мужиками, пуститъ въ ходъ водку и подкупъ, будетъ указывать на свою культурную близость съ народомъ, будетъ разжигать народную ненависть противъ господъ, одѣтыхъ въ нѣмецкое платье, и въ концѣ концовъ завладѣетъ народнымъ довѣріемъ, проникнетъ во всероссійскій Земскій Соборъ и тамъ все устроитъ по своему. Но и это предположеніе совершенно невѣрно. Народъ во время революціи—это не сельскій сходъ, который можно сорвать двумя ведрами водки. Дѣйствительно, во время революціи всѣ страсти напряжены, масса лихорадочно волнуется и готова проливать кровь, убивать жертвы, но въ тоже время она сознаетъ всю важность момента, сознаетъ, что она рѣшаетъ свою судьбу. Она хочетъ устроить себѣ будущее по новому, по лучшему, «по новой правдѣ» или «по старой правдѣ», это все равно, но по правдѣ, и если ее и можно одурачить, то не посредствомъ водки и подкупа, а при помощи фразъ о народномъ благѣ и о будущемъ всеобщемъ равенствѣ, братствѣ и свободѣ. Только во имя этихъ великихъ принциповъ можно исторгнуть у народа побѣду, и для этого буржуазіи нужно быть опять такой въ союзѣ съ интеллигенціей. Въ 1789 г. вели избирательную агитацію и попали въ парламентъ не кабатчики и ростовщики, а адвокаты, нотаріусы, доктора, люди образованные и искренно вѣровавшіе въ то, что они говорили—т. е. интеллигенція. И у насъ въ разгарѣ революціи народное довѣріе пріобрѣтетъ не кулакъ, а также интеллигенція, пріобрѣтетъ быстро и всецѣло, какъ бы велика ни была рознь до этого; но интеллигенція эта не будетъ въ союзѣ съ буржуазіей, а станетъ дѣйствительно осуществлять народные демократическіе идеалы.

Но предположимъ даже, что вся интеллигенція поголовно истреблена правительствомъ и вообще куда то запропала и не является въ критическую минуту на помощь народу, неужели онъ поставитъ кулака въ своей главѣ? Конечно нѣтъ! Ненависть народа къ буржуазіи, несмотря на свое недавнее возникновеніе, ничуть не менѣе интенсивна, чѣмъ ненависть къ барамъ; аграрныя преступленія, поджоги, убійства, погромы въ городахъ поражаютъ безжалостныхъ кровопійцъ — кулаковъ столько же, сколько и наглыхъ

насильниковъ—баръ. Народъ пошлетъ въ Законодательный Соборъ тѣхъ самыхъ людей, которыхъ онъ имѣетъ обыкновеніе посылать «ходоками» въ столицу искать «правды»—людей мірскихъ, стариковъ, носящихъ въ себѣ складъ вѣковой народной мудрости или наиболѣе честныхъ и энергичныхъ представителей молодого поколѣнія—поборниковъ старой правды или новой правды, готовыхъ постоять за нее и пострадать, если это будетъ нужно.

Если въ Земскій Соборъ попадетъ хоть нѣсколько интеллигентныхъ соціалистовъ-революціонеровъ, то они столкуются съ этими народными ходоками, ибо будутъ говорить и желать рѣшительно того же, что и мужики.

Во время самаго возстанія, когда толпа съ косами и вилами пойдетъ разрушать помѣщичьи дома и полицейскія управленія, во главѣ народа будутъ стоять люди рѣшительные, можетъ быть герои изъ босой команды, бѣглые солдаты, каторжники, убійцы, Хлопуши, Чики, Стеньки Разины, но никакъ не кабатчики.

Очевидно, стало быть, что побѣда достанется въ руки только революціонной интеллигенціи и народу. Но при этомъ возможно нѣсколько комбинацій различнаго оттѣнка. Возможно во первыхъ, что революціонная партія, пользуясь деморализаціей правительства и искусно разсчитавъ удары, неожиданно захватитъ въ свои руки власть еще до того времени, когда разразится всеобщее народное возстаніе. Не смотря на видимую незначительность боевыхъ силъ революціонной партіи и на огромное количество штыковъ, охраняющихъ Гатчину и Зимній дворецъ, въ этомъ предположеніи нѣтъ ничего абсолютно неосуществимаго. Эти тысячи штыковъ повинуются тому, кто умѣетъ имъ приказывать и защищаютъ не свое дѣло, а чужое. Вспомнимъ, какъ въ прошломъ столѣтіи кучка удалыхъ офицеровъ дѣлала дворцовые перевороты „нахрапомъ“ и имѣла постоянно удачу.

Теперь мы вплотную подошли къ щекотливому вопросу, бывшему предметомъ многихъ обсужденій. Что должна партія предпринять, если власть попадетъ въ ея руки? Паладины не марающей рукъ нравственности, во время грозныхъ динамитныхъ взрывовъ прежде всего обращающіе вниманіе зрителей на два незримо погибшіе трупа будочниковъ, во время революціонной борьбы — сосредоточивающіе свое вниманіе не на взволнованномъ народѣ, а на трупѣ откупщика, повѣшенномъ на фонарѣ безъ соблюденія формъ правосудія, всегда готовые лить благовонное масло на волны бушующаго моря,—эти донкихоты безъ страха и упрека пов-

глашаютъ: «Революціонная партія не имѣетъ никакого права узурпировать народный суверенитетъ! Надо немедленно же передать власть народу, а тамъ будь то, чего хочетъ народъ!» Не менѣе ихъ относясь съ уваженіемъ къ принципамъ народнаго правленія, мы тѣмъ не менѣе думаемъ, что если революціонной партіи достанется власть, то она должна не передавать преждевременно ее неорганизованной народной толпѣ, а приняться сначала за пробужденіе революціонныхъ силъ въ народѣ и за организацію этихъ силъ, и только выполнивъ свою обязанность въ этомъ отношеніи, она можетъ уступить свое мѣсто настоящему земскому собору безъ опасеній за дальнѣйшее. Было бы праздной тратой времени подробно разсматривать тѣ мѣры, которыя ей придется принимать тогда. Сама жизнь укажетъ ихъ. Можно намѣтить напередъ передачу земли во владѣніе общинъ въ крупныхъ чертахъ (до будущаго правильнаго кадастра), организацію мѣстнаго выборнаго революціоннаго управленія и т. п.

Возможенъ и другой ходъ революціи. Народная масса путемъ удачнаго возстанія можетъ явиться главнымъ героемъ и побѣдителемъ. Тогда вся будущность Россіи зависитъ опять-таки отъ интеллигенціи. Если интеллигенція будетъ черезчуръ ослаблена роковыми ударами самодержавія и не съумѣетъ слить свое дѣло съ народнымъ въ самомъ началѣ борьбы, не съумѣетъ сформулировать его требованія, организовать его ряды на полѣ битвы и что еще важнѣе, организовать его силы послѣ побѣды, то будущность Россіи представляется совершенно неизвѣстною. Анархія, распаденіе на части и подпаденіе подъ чужеземную власть, или свое крестьянское царство, самозванская имперія, или казачье демократическое устройство, разрушеніе цивилизаціи или пышный разцвѣтъ ея, никто не можетъ сказать, что ожидаетъ насъ, ибо никто не знаетъ, какія великія и благотворныя силы, какія дикія и кровавыя страсти скрываются въ народѣ.

Однако самой вѣроятной представляется слѣдующая комбинація, о которой мы уже не разъ говорили. Всѣ факторы будутъ въ равной степени содѣйствовать успѣшному ходу революціи и на бранномъ полѣ останутся побѣдителями два равно могущественные союзника—и революціонная интеллигенція, и народъ. Оба они сдѣлаютъ одинаково цѣнные вклады въ сокровищницу русскаго счастія; народъ принесетъ физическую силу и энергію, принесетъ трудовую дѣятельность и всѣ завѣтные общинные идеалы, выработанные вѣковѣчными праведнаго труда. Революціонная интеллигенція прине-

сетъ силу знанія, готовность и умѣнье правильно организовать новый общественный строй во всѣхъ его отрасляхъ и проявленіяхъ. Она выставитъ передъ народомъ рѣзко опредѣленный идеалъ будущаго общественнаго строя, согласованный съ его потребностями и желаніями. *Она сдѣлается его вождемъ въ битвѣ, его главой въ совѣтѣ.* Во всероссійскомъ земскомъ соборѣ будетъ преобладать сибирская народническая партія, состоящая изъ большинства мѣстныхъ интеллигентныхъ людей и изъ меньшинства интеллигентныхъ членовъ-соціалистовъ, проникнутая единодушнымъ стремленіемъ основать счастье русскаго народа. И она примется за коренное преобразованіе общественнаго строя на новыхъ началахъ.

ГЛАВНѢЙШІЯ ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строка.		Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
2	20—21	сн.	въ ихъ мозгу.	въ ихъ умѣ.
10	1	св.	и князья Ряполовскіе,	и князья Ряполовскіе,
15	5—6	сн.	предварять небеснаго царя о своемъ прибытіи.	„предварять небеснаго царя о своемъ прибытіи“.
18	5	„	позволено было	позволительно было
21	5	св.	на свой счетъ	на казенный счетъ
27	4	сн.	пролетаріата во многихъ мѣстахъ, достигающаго	пролетаріата, во многихъ мѣстахъ достигающаго
28	2	св.	на позиціи?	на позиціи.
„	7	„	*и сентаческія движенія* — именно	*— сентаческія движенія* именно
„	14	сн.	особенно если	въ особенности если
29	13	св.	грабительствомъ насильственно получаемыхъ денегъ	грабительствомъ, насильственно получающимъ деньги
30	11	св	жадности и отъ десятины	жадности, отъ десятины
34	19	сн.	россійское царство	„русійское“ царство
42	2	„	поэтому нисколько	но это нисколько

Къ сожалѣнію, примѣчанія редакціи, не вполнѣ согласной съ нѣкоторыми не особенно существенными частностями этой статьи, не могли быть помѣщены по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ.